



Андрей Лысяков
ОБРАТНО НА НЕБО

ТОМ 1

Андрей Лысяков
Обратно на небо. Том 1

«Издательские решения»

Лысяков А.

Обратно на небо. Том 1 / А. Лысяков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934713-8

Фантастический роман в двух частях о невероятных эволюциях человеческой души. Не предназначено для лиц моложе 16 лет. В первой сюжетной линии тренер, который ничего о себе не помнит, должен воспитать группу из искусственно выращенных людей для основания колонии на необитаемой планете. Во второй сюжетной линии несколько сотен очень богатых землян берут билет в один конец в самый роскошный отель Вселенной, где их должен обслуживать безупречно красивый персонал. Но, как говорится, не тут-то было.

ISBN 978-5-44-934713-8

© Лысяков А.
© Издательские решения

Содержание

1. Согласно купленным билетам	6
2. Каждому свое.	32
3. Есть контакт!	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Обратно на небо Том 1

Андрей Лысяков

© Андрей Лысяков, 2019

ISBN 978-5-4493-4713-8 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-4714-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Андрей Лысяков

Обратно на небо

Том 1

1. Согласно купленным билетам

– Эму! Эй ты, Эму!

Старая стоптанная тапка несколько раз ткнулась прямо ему в лицо, действуя как напастырь при обмороке. Возвращающееся сознание беззвучно и беспомощно вопило, переживая сразу все прелести нокаута, тяжелой интоксикации и ванны, полной злых муравьев. Реальность плыла и распадалась перед глазами на аморфные фрагменты, желудок судорожно сжимался, пытаясь вывернуться наизнанку, а мышцы и кожу жгло миллионами мелких уколов.

– Фу! Ну и свинья же ты, Эму!

– Не ругай его! Бедняжке плохо. Вставай, Эму. Поднимайся. Поднимайся же!

– Воняет. Водой его полить надо.

– Нет-нет! Здесь и так холодно. Нельзя водой, околеет еще.

Страдавший от странных недомоганий человек поднялся на четвереньки, разглядывая пол, гладкий, точно зеркало, ядовито-синего цвета. Все его тело тряслось не то от холода, не то от слабости, какая случается с представителями нашего вида на самой границе жизни – либо в ее конце, либо в самом начале.

– Ну поднимайся же, дурень! – уже в который раз повторил скрипучий старческий голос.

– Пора вставать, Эму, – вторил ему другой, такой же старческий и почти такой же скрипучий. – Пришло твое время. Поднимайся. Ты меня слышишь?

– Эй! Как слышно? Прием!

Стоявший на четвереньках человек попытался ответить, но потерял равновесие и рухнул лицом на твердую холодную поверхность. Руки и ноги шлепнулись рядом, точно посторонние предметы, отказываясь подчиняться.

Получалось только дышать. После того как желудок очистился от скопившейся желчи и перестал сокращаться, каждый вдох становился все более осмысленным и уверенным и в то же время все более горьким и отвратительным. Невидимое полчище злых муравьев, терзавших кожу и мышцы, тоже стало обретать смысл. Это кровь обжигала отвыкшие от давления сосуды, наполняя все тело жизнью. Зрение пыталось фокусироваться на окружающей обстановке, но от этих попыток лишь сильнее кружилась голова.

– Ну что? С пробуждением! – весело проскрипел голос. – Проголодался?

– Вставай, вставай, – тут же буркнул второй. – Хватит валяться. Будешь лениться – останешься голодным.

– Бедняга! Совсем плохой.

– Плохой, зато вон какой здоровый! На себе его тащить? Ну уж дудки.

Один из голосов звучал резко и неприятно, как злобный лай старой дворняжки. Другой казался более мягким и располагающим. Было ясно, что оба они принадлежат людям весьма преклонного возраста.

Ухватившись за шершавую стенку какого-то агрегата, тот, кого звали Эму, попытался встать. При этом к кадыку немедленно подступила дурнота. Пришлось много раз глубоко вдохнуть и соглотнуть, чтобы удержаться на ногах.

Напрягая непослушные глаза, он смог разглядеть в помещении четыре больших устройства, похожих на лежащие шкафы из какого-то белого материала. Массивная прозрачная крышка одного из них была поднята, точно капот старого автомобиля, а три остальных оставались закрытыми.

Кто-то вцепился в локоть, не давая упасть.

– Стоишь? Молодец! Ай да Эму, ай да чемпион! – широко скалилось невысокое существо с головой, начисто лишенной волос. – Верно говорят: «Пока ты можешь стоять на ногах, ты можешь все».

Тут это же самое существо, что помогало идти, переменилось в лице и ответило само себе:

– Это мать говорила! А ума у ней было негусто! Иначе не попала б сюда!

– А что? – снова улыбнулась лысая голова. – Вот если рассудить: раз уж можешь стоять, то можно лечь, можно обратно встать. Можно даже танец станцевать. Вы меня пригласите, молодой человек?

– Ага, три раза! – хохотнуло само себе существо. – На танец живота!

– Живота?! Но его не танцуют в парах...

– Вот и не болтай ерунды, старая идиотка!

На дряхлой старухе с обритым наголо черепом точно пузырь висел огромный комбинезон, а под ним ветхий вязаный свитер. Одежда эта больше походила на мешки из-под картошки. Искрящийся нечеловеческим любопытством взгляд и стремление залезть собеседнику на голову не вызывали других желаний, кроме как немедленно и навсегда закрыть их обладательницу в психушке. Впечатление усиливал ее постоянный диалог с собственной персоной.

– Эй ты, дурень! – снова попыталась начать разговор злым голосом ненормальная лысая старуха. – Чего молчишь?

Затем тон ее потеплел:

– Я знаю. В инструкции сказано, что тебе сейчас должно быть нехорошо.

– Видел бы ты свою рожу – тебя бы снова вывернуло!

– Ничего, Эму. Скоро отеки сойдут, и все опять будет как раньше. Даже оглянуться не успеешь.

Болтливая хозяйка вывела под руку еле переставляющего ноги человека из белой комнаты с синим полом. После короткого темного коридора открылся вход в другую комнату, где неприятно сияли несколько бледных мониторов. Тут ведомый попытался заговорить.

– По-че-му? – услышал он свой голос, неожиданно низко пророкотавший поперек старухиного щебетания.

– Что почему?

– По-че-му... Эму?

– А ну не болтай! – Она толчком усадила его в какое-то кресло. – Пожри сначала.

– Да, подкрепись, а потом я тебе все расскажу. Так-так-так...

Она отвернулась на пару мгновений, и в ее руках появилась чаша, от которой поднимался легкий ароматный пар.

– Вот. Да убери ты руки! – строго крикнула старуха. – Твоим пальцам еще не вернулась былая ловкость. Ага. А не то сейчас сделаешься, как свинья!



Это был горячий шоколад. От его запаха весь организм Эму затрясло голодным вожделением. Сухими губами он скользнул по тончайшей пленке, которой подернулся напиток, и тут же сделал огромный глоток. Густой, обжигающий и такой настоящий шоколад в единственный миг заменил собой все неприятные ощущения последнего часа. Почти приторный и пахучий, как парфюм, – все оттенки этого вкуса ударили по отвыкшим рецепторам, будто молоток, притупляя зрение и слух.

Несколькими крупными глотками человек в кресле опустошил сосуд. Лоб сразу же покрылся испариной, а в животе появилось ощущение перегруженности.

Минуту-другую старуха молча наблюдала, как он пытается отдышаться.

– А Вы?.. – утомленно вздохнул он.

– Что «вы»? – не поняла она.

– Вы кто?

– Ух ты! Ожил, кажись. А сам-то кто таков? Ась? С чего тебе внимания столько?

Он не знал, что ей на это ответить. Поразмыслив, хозяйка наконец выдавила:

– Я Каська. И я здесь живу. Здесь больше никого нет. Нигде, куда можно дойти ногами, нет ни одной живой души. Только ты и я.

– Понятно.

– Понятно ему... – ворчливо передразнила она. – Сейчас опять вырубится. Что, уже устал?

– Немного...

– Это ничего. Говорят, после этого с непривычки даже моргать тяжело.

Хозяйка убрала кофейный столик, торчавший из пульта. Скрытые где-то под полом моторы опрокинули в лежачее положение массивное кресло, в котором расположилось тело ее нового подопечного.

Беспомощный пассажир в тихой панике вращал глазами, соображая, что происходит. Информации для первых выводов было маловато: болезненное резкое пробуждение в чужом странном месте, мрак, наполненный сухим стерильным воздухом, грязная сумасшедшая старуха с идиотским именем. С другой стороны, когда тебя зовут Эму, лучше насчет чужих имен не рассуждать. Так ли его звали на самом деле, припомнить не получалось. Память была пуста, точно чашка недопитого чая, забытая и высохшая на рабочем столе перед мониторами много дней назад.

* * *

Своего пробуждения я не помню. Никто не помнит. Это нормально. Просто вдруг я обнаружил себя посреди толпы людей, таких же, как я. Все брели по коридорам и холлам, не понимая, куда и зачем. Один за другим загорались мощные огни, выхватывая из стоячей, затхлой черноты дворцовые залы, длинные галереи и колоннады с лепниной. Чуть позже какая-то тетка старательно лупила меня по щекам и макала головой в нечищенный фонтан.

Скоро окружавшая меня толпа перестала стонать и начала разговаривать, выясняя, что тут творится. Первым ко мне обратился неприметный человек с седеющей головой. С чего-то вдруг он позвал меня сыграть с ним в бильярд, хотя прекрасно видел, что я не то что шарами в лузы – в двери собственным телом не попадал. В глазах все двоилось, звуки отдавались в черепе торжественным перезвоном, в животе крутило, мозги отказывались соображать.

Потом меня вели вверх по лестнице. Не помню, сколько раз я приходил в себя, заглядывая в унитаз, надолго заменивший мне и подушку, и собеседника. В итоге как-то снова оказался среди людей.

– Привет, Комаров, помнишь меня? – появилась передо мной худенькая блондинка.

Сначала она показалась мне школьницей, но, приглядевшись, я понял, что сильно ей польстил. Всем известно, как выглядят модифицированные в зрелом возрасте женщины

и сколько это стоит. Ее лицо определенно было мне знакомо, но я не мог припомнить, видели ли мы в детстве или час назад.

– Кажется, да. Это вы чуть не выбили мне зубы.

– Я тебя в чувства приводила!

– А я вас точно перед этим не лапал?

– Тебе не до того было.

– Тогда ваше стремление сделать мне больно не вполне понятно.

Она смерила меня насмешливым взглядом, пока я ощупывал свои щеки.

– Как самочувствие?

– Хреново, – сознался я.

– Тогда говори со мной. Полегчает.

С трудом удерживая отекавшие веки, я поймал глазами ее лицо.

– Пожалуй, вы не настолько уродливы, чтобы от этого разговора мне стало хуже. Кто вы?

– Полагаю, это комплимент. Я – Марина. И давай на «ты»! Мы почти соседи.

– Так сразу? Хорошо! Ты свободна?

– В смысле?..

– Я интересуюсь, можешь ли ты заняться со мной сексом или есть препятствия?

– Ого! – рассмеялась моя новая знакомая. – Ну и прыть! Может, тебя опять в фонтан макнуть?

– Значит, свободна.

– Почему ты так решил?

– Иначе сразу сказала бы.

– Ну что ж! Приходишь в норму!

– Что со мной было?

– Ты плохо переносишь длительные полеты.

– Какие полеты?

– Межпланетные. Ходил тут, как зомби, двое суток.

– Сколько?!

Только теперь я понял, чем от меня так воняет. Запах пота – крепкий, как от солдатских портянок. Пока я оглядывал и ощупывал себя, Марина поставила на перила высокий стакан. И тут мой взгляд выскользнул за перила, позволив мне осмотреться.

Мы находились в галерее на внушительной высоте. Сразу за перилами открывался вид на рекреацию огромного роскошного отеля. Фонтан, ставший моим первым внятным воспоминанием после ударов по лицу, располагался далеко внизу. Как я оказался на своем этаже, вспомнить снова не получилось. Но не это было моей главной проблемой.

– Погоди-ка!.. – вздрогнул я. – Что за межпланетные полеты?

Марина улыбалась мне так, будто ждала этого вопроса.

– Теперь ты на другой планете. Навсегда. Добро пожаловать домой, в «Ригель Резиденс»!

– Чего? – недоверчиво протянул я.

– Это наш новый дом. Называется он «Ригель». Слово «Резиденс» придает этому месту значимости и дорогого лоска. Изначально – космический корабль, а после посадки – отель. Теперь мы живем здесь.

– С какой это радости?..

– Мы все купили билет в один конец. По своей воле, за свои деньги. И ты тоже. Здесь, как утверждалось в рекламе, мы будем запредельно счастливы до конца своих дней.

– А я-то думаю, чего это я такой счастливый?!

– Пока в это слабо верится, верно? Сплошной дисбактериоз и авитаминоз. Багаж еще не открывал?

– Какой багаж?

– Свой багаж. – Марина поместила руки на поясицу и принялась качаться из стороны в сторону, приводя мышцы в тонус и ненароком демонстрируя мне свою фигуру. – Вещи, фотографии, досье на себя...

– Зачем мне досье на самого себя?

– Так положено. Чтобы знать, кто ты.

– Ну, я и так знаю...

– Ну и?..

Я задумался. Единственное, что отдала мне собственная память, это Кутузовский проспект, зажатый по обе стороны рядами небоскребов, и патрульный с татуажом и ботоксом во все лицо, оформляющий мне штраф за курение вейпа на улице. Тогда я постоянно поглядывал на часы, а он отчитывал меня за нулевой баланс на дебетовом банковском счете.

– Кажется, у меня были часы... – через силу выдавил я.

* * *

Открыв глаза, не в силах издать ни звука, тот, кого звали Эму, долго следил за старухой, которая что-то шептала, уставившись в монитор.

В помещении с центральным пультом пилота было темно и не прибрано. Вместе с оборудованием на столах, под столами и на самодельных этажерках стояли посуда и бытовые приборы. Экраны и другие устройства казались беспомощному пассажиру в кресле новейшими с технологической точки зрения, но их состояние после векового полета было весьма плачевным. Как и состояние самого Эму.

Сжимая и разжимая кулаки, шевеля пальцами ног, ему кое-как удалось заставить собственное сердце работать быстрее.

– Почему Эму? – наконец выдавил он.

– Что? Проснулся? – подмигнула старуха. – Ты очень громко храпишь. Хотела замотать тебя тряпками, да побоялась, что взаправду удавлю. Забыл, что здороваться надо? А не то мне может показаться, что ты невоспитанный грубиян. ... А воспитанные грубияны-то вообще бывают, дура ты старая?

В ответ он кивнул ей одними веками. Поддерживать эту беседу другим способом было выше его сил.

– Поздоровался, называется, – склочно пробубнила бабка. – А я ему старайся, рассказывай, почему его так зовут... Ладно, так уж и быть. Смотри!

Она извлекла из кармана блестящий предмет, легко помещавшийся в ее кулаке, и протянула ему.

– Это было в твоих личных вещах. Я нашла это давным-давно, когда еще была маленькой-премаленькой девочкой. Мать не разрешала мне брать эту штуку. Говорила, что она может быть опасной. А кто ж у нее спросит-то? Брала, когда хотела. Это твоя единственная вещь, на которой есть надпись. Видишь, что написано? Читай.

Она ткнула желтым нестриженным ногтем в гравировку из трех букв. Человек в кресле вопросительно поднял брови.

– И не смотри на меня своими глазюками, – отрезала старуха. – Я не знаю, что означает это слово. Мы с матерью решили, что это твое имя. Что скажешь?

Ее палец откинул крышечку и крутанул маленькое колесико. Тот, кого звали Эму, ожидал, что сейчас над железным прямоугольником выскочит прозрачный желто-синий язычок пламени, от которого по воздуху начнет подниматься тонкая извивающаяся прядка копоти.

– Это огненная машинка, – объяснила старуха. – Она не работает. Закончилось топливо. Уже давно.

– Я вспомнил, – прохрипел непослушный мужской голос, который Эму пока еще не считал своим.

– Что ты вспомнил? – Ее глаза загорелись любопытством.

– Это зажигалка. Подарок.

– Чей?

Он задумался, пытаясь ответить на ее вопрос, но потом только покачал головой.

– Эх, дурень! – С досады старуха стукнула себя кулаком по колену. – Все позабыл. Но, может быть, ему просто нужно дать немного времени?

– А вы?..

– Мы про тебя ничего не знаем. Даже и не спрашивай...

– Откуда вы? – ему пришлось произнести это громче, чтобы она снова его не перебила.

– Я всегда жила здесь. И в этом месте всегда было так, как сейчас. Раньше была мать. Отца не было. Его убило током много-много лет назад. Потом и мать умерла. Скоро и моя очередь. Дальше один полетишь.

– Куда?

– Туда!

Она ткнула пальцем в пол. Тут человек в кресле почувствовал, что на его голове зашевелились волосы, а по всему телу прокатилась волна холода. Ответ на следующий вопрос был ему уже известен.

– Где... мы?

– Мы-то? – рассеянно ответила старуха. – На галеоне. В космосе.

* * *

– Корпорация «Спэйс Империяллити» приветствует вас в самом райском уголке Вселенной, на борту отеля «Ригель Резиденс»! Прямо сейчас берет свое начало ваша новая жизнь, полная удовольствий и наслаждения...

Я взмахнул пальцем, подавая команду системе воспроизвести следующую запись. На большом экране, что висел в гостиной напротив дивана, начали мелькать изображения ресторанов, а из скрытых динамиков снова раздался неживой рекламный альт:

– Отель «Ригель Резиденс» предлагает вашему вниманию полный спектр ресторанов, баров, кафе и автоматических закусовых, работающих по системе «все включено»...

Слушая бесконечный поток бесполезной информации, я разглядывал пару больших дорожных сумок, стоявших посреди комнаты. Это был весь багаж, который у меня имелся. Я долго не решался к ним притронуться, будто в них были упакованы расчлененные трупы. Так просидел перед монитором до самого отбоя, а потом вышел из своего номера в поисках какого-нибудь кафе. Чувство голода было не слишком острым, но начинать питаться рано или поздно все равно пришлось бы, ведь, кроме тухлой воды из фонтана, в мой организм уже третий день не поступало ровным счетом ничего.

От затеи с полноценным ужином довольно скоро пришлось отказаться, так как все двери ресторанов были задрены пыльными транспортными щитами. Прохожие объяснили мне, что все это хозяйство заработает только после того, как в отель явится персонал. В итоге ужинать пришлось этажом ниже, в диванной комнате, где стояли бесплатные автоматы с разными батончиками, чипсами и шипучкой.

Впечатления от этой скромной трапезы для меня, как для человека, который до этого момента ел в позапрошлой исторической эпохе, были сравнимы по своей силе с персональным фестивалем фейерверков. Соль на лепестках чипсов при попадании в мой голодный рот заставила меня вздрогнуть, характерный хруст чуть не оглушил, а от вкуса жареного картофеля и бекона я застонал в голос. Потом был первый невероятный глоток газировки, первый кусочек превосходного шоколадного батончика с арахисом и первый изумительный размороженный бутерброд с шикарным ломтиком чего-то похожего на рыбу и ветчину одновременно.

Вскоре мое гастрономическое блаженство было бесцеремонно прервано.

– Эй! – заметила меня Марина. – Ты сам сюда пришел? Поздравляю с переходом на новый уровень! Что это у тебя за дрянь?

Спортивный костюм и румянец на щеках говорили о том, что моя новая знакомая заканчивала вечернюю пробежку. Разжевывая еду, я оглядел несколько пустых пакетиков, валявшихся рядом со мной на жестком красном диване. Низкое уютное жужжание яркого автомата с закусками заставило меня поторопиться с ответом.

– Только не надо лекций. ЗОЖ не про меня.

– Зачем же? – она подошла ко мне. – Это простое любопытство. Как говорится, каждому свое.

– И каждый сам решает, от чего в итоге ему умереть. Кого-то убьют растворимый кофе и столетние сэндвичи, а кого-то спорт.

Улыбнувшись уголком рта, Марина дала мне понять, что эту тему пора закрыть.

– Как идут дела? Все вспомнил?

– Ага, – соврал я.

– Рассказывай.

– Нечего рассказывать. Скукотища.

– Слушай! Вся реабилитация занимает полдня. Сейчас у тебя небольшой страх перед неизвестностью, но ты должен через это пройти.

– Значит, это нормально – бояться вспомнить, что ты, к примеру, серийный убийца?

– Вполне. Но поверь, скорее всего, ты окажешься заурядным биржевиком или риэлтором, которому действительно нечего о себе рассказать.

– Ах так? Должно быть, твоя жизнь полна приключений и подвигов?

– Ничего тебе не расскажу. Будем общаться на равных: ты – мне, я – тебе. Идет?

– По рукам.

– Я, как проснулась, сразу все сделала. Мне здесь даже немного надоело. Ничего нового не происходит. Только притяжение меняется. То легко, то тяжело. Не замечал?

– Замечал, – ответил я. – Когда оно меняется, голова кружится, как с перепоею...

– Скоро привыкнешь, – пообещала она. – Это как раз нормально. Пугает другое.

– Угу! – Я усердно жевал ледяной бутерброд.

– Плохо, что нас отсюда не выпускают. Что-то здесь не то. Нет ни персонала, ни охраны, ни экскурсий. Думается мне, что валить отсюда надо. Так хочется взглянуть на обещанный нам рай своими глазами.

– «Хочется» – это не та причина, – возразил я. – По крайней мере, не в нашем возрасте.

– У меня есть подозрение, что нас здесь специально изолировали, чтобы мы тихо переехали. Как тебе такой вариант?

– А вот это уже серьезно.

– Поэтому я намереваюсь отсюда сбежать. Ты со мной?

Тут из-за ее плеча вынырнул лощеный тип и обеими пятернями схватил ее за бока. Наглый, напористый, с мясистым носом, – всем своим видом он пытался выдать себя за плохого парня из Центрального Бутова, и это не оставляло у окружающих сомнений в том, что на самом деле он из глухого закавказского аула. Его тонкая седеющая борода и усы образовывали единую композицию, выполненную до безобразия филигранно. То ли из-за похабного выражения лица, то ли из-за формы подбородка, но растительность смотрелась на нем как интимная стрижка.

– Хочешь выйти в чужую среду без сопровождения? – мерзко осклабился незнакомец. – Смелая женщина! Восхищаюсь тобой!

– Чего тебе надо, Лоренцо? – недовольно уставилась на него Марина, стяхнув с себя его руки.

– Решил поддержать разговор. Может быть, я не хочу, чтобы ты уходила?

– Это не твой разговор! – жестко ответила она. – Если ты боишься высовывать свой нос наружу, то необязательно всем об этом рассказывать. Трусость обычно прячут.

– Уж не он ли придает тебе столько смелости? – указал на меня Лоренцо.

– Какая разница?

– Твой новый мужик?

– Это мой земляк, ясно?

– Как это я сразу не догадался? Зеленое лицо, мутный взгляд, воняет как из помойки.

Точно Рашка... Эй ты! Ку-ку!

Он пощелкал пальцами перед моим лицом.

– Вам помочь? – холодно спросил я.

– Лучше просто не мешай, – недобро процедил он.

– Тогда выход там, не смею препятствовать, – указал я. – И знаете, на такой бороде неплохо бы носить белье.

Лоренцо ненадолго замер, соображая, о чем я, а потом повернулся к Марине.

– Вижу, ты нашла себе остряка! Надеюсь, он умеет не только языком!..

Громко засмеявшись собственной шутке, он удалился походкой победителя.

– Странные у тебя поклонники, – оценил я, провожая его глазами.

– Да это так... Хмырь один. Не обращай внимания.

* * *

Спорить со старухой было бесполезно, да и не очень-то хотелось. В ответ на каждое слово из нее выливались потоки безобразного текста, изобилующего массой лишних подробностей. Она жила по своим непонятным правилам и слушала в основном лишь то, что говорила себе сама.

В один прекрасный момент она насильно вытащила его из кресла и, держа под руку, заставила ходить по коридору взад-вперед. Темный, почти черный коридор освещался лишь линиями разметки. Это позволяло не отвлекаться на разглядывание интерьеров, а сосредоточиться на ходьбе. Ноги по-прежнему слушались плохо.

– Еще чего! Рассказывай ему... – бубнила Каська. – Не много ли чести? Нет на то инструкций.

– Но он должен знать! – тут же возражал ей собственный голос. – А кто ж ему расскажет-то теперь?

– А что он сделает, когда узнает? Вдруг этот дурень себе мозги вконец отморозил?

– Вот заодно и поправит. А как же? – кряхтела она, помогая ему идти.

– Не положено. Инструкций нет. Связи нет. Файлов нет...

Эму долго не решался встречать в этот диалог, но с каждой минутой в нем крепло ощущение, что если он этого не сделает, то она не обратится к нему никогда.

– Расскажите! – попросил он.

Старуха вздрогнула и замолчала на целую минуту, а потом выдала как по писаному:

– Наш галеон входит в группу транспортных кораблей, движущихся в одном направлении, по общему пути, с одной и той же целью.

– Их много?

– Много ль, мало – не нам судить. А сколько их в точности, нам известно: ровно восемь штук. Мы давным-давно улетели из одного места и когда-нибудь прибудем в другое. Понятно?

– Понятно, – сверху вниз покосился он на старушку. – А давно?

– Почти сотню лет. То есть это ты столько летишь... А я лечу немного меньше.

– Как это?

– Говорю же: я здесь родилась. Но если ты узнаешь мой точный возраст, то мне придется тебя убить. Мать говорила, что так делают все приличные женщины.

– Угу, – кивнул он. – Как это – лететь всю жизнь в одиночестве?

– Думаешь, я сумасшедшая?

– Нет. Почему же?

– Вообще-то, я пошутила насчет того, чтобы тебя убить. Не врубился?

– Врубился. Смешно.

– Смотри не описайся со смеху-то!.. – Она украдкой зыркнула на него, должно быть пытаясь увидеть признаки веселья на его лице. – Тебе повезло. В гибернации времени не замечаешь. Вот ты и остался молодым. А меня мать родила уже после начала пути. Здесь всегда было так, как сейчас. Всегда-всегда. Да, на самом деле тут неплохо. Надо только делом себя занять. Хотя мне и сравнить-то не с чем.

– Очуметь... – вздохнул Эму.

– Говорю же, я не сумасшедшая! – зашипела бабка. – Поумнее некоторых буду. Лучше расскажи мне, как было там?.. Раньше.

Он замолчал, в очередной раз пытаясь вспомнить хоть что-то, а затем покачал головой.

– Не знаю. Я не помню.

– О-о-о... – с досадой протянула она. – А с головой-то у него и взаправду полный привет. Что ж делать? Это побочный эффект гибернации. Ничего, может, вспомнишь еще. Всё на свое время, как говорится...

– Всему свое время, – машинально поправил он.

– Поумничай тут мне еще...

Преодолев обратный путь по коридору до комнаты с мониторами, обессиленный Эму рухнул в свое кресло и долго восстанавливал дыхание, чтобы задать следующий вопрос:

– А сколько нам еще лететь?

– В километрах я не знаю. – Бабка нацепила на нос пустую оправу от очков и развернулась к иконостасу ярких плоских экранов.

– А по времени?

– Мало. До начала новой фазы торможения осталось чуть меньше ста недель.

– А сколько она продлится?

– Вообще-то, торможение уже давно началось. Оно производится постоянно с ускорением минус 1g. Поэтому тут есть притяжение. Потом начнется активная фаза. И продлится она довольно долго...

– Притяжение тоже станет активнее? – ухмыльнулся Эму.

– Да. И будет нарастать понемногу. И нет в этом ничего смешного. Ты молодой. Ты сможешь это пережить!

– А вы?..

– А что мы? – Она покивала каким-то своим мыслям. – Мы, мил друг, если в эти полсотни дней не крякнем, то при посадке уж точно. Такие перегрузки в нашем возрасте противопоказаны.

– А что на других галеонах?

– Вот прицепился!..

Она вздохнула, а потом указала на центральный монитор.

– У нас звено из восьми судов. Ты не смотри, что они такие маленькие. Это на экране так кажется. На самом деле они огромные. На всех есть люди, вроде меня. Изначально вылетело по два пилота в экипаже. Всего по два, чтобы экономить ресурсы. Все они знали, что не доживут до конца полета. Поэтому у каждой пары должно было появиться потомство, которое сейчас примерно моего возраста. Понятно?

– Понятно... – вяло кивнул Эму. – Пилот-папа и пилот-мама...

– Каждый галеон выполняет свою функцию и несет свой груз. Мы идем крайними слева. Вот здесь. И мы несем груз из сотни поселенцев.

– Что?! – вскрикнул он.

Тогда старуха схватила со стола железную кружку и несколько раз ударила его, метя в голову.

– Ты психованный?! Будешь так прыгать, не стану тебе ничего рассказывать! Я сорок лет речи людской не слыхала, а он орать тут вздумал. А ну ложись в кресло и не нервируй меня!

Эму послушно затих, потирая ушибленные тяжелой посудиною руки.

– Да. У нас на борту сотня человек. Они спят.

– В губернии? Как я? – догадался он.

– Ну, почти. Ты у нас случай особый. А почему? А потому что ты – инструктор. Ты рожден своей матерью, у тебя есть образование и подготовка. Остальных же растили на исходной планете, не приводя в сознание. Это тщательно подобранный генофонд будущей колонии, вернее, его половина. Хочешь знать, где вторая половина? А вот здесь.

Старуха выделила курсором на мониторе крайний правый корабль в ромбовидном звене.

– Там сотня таких же кочерыжек и тоже есть свой инструктор. Мать говорила, что у них там главная девочка. Хорошая. Звать Луиза.

– А зачем нужен инструктор? – спросил Эму.

– Действительно, зачем? – съязвила Каська. – Ты нужен для того, чтобы активировать генофонд и дать им основные навыки, которые помогут им выжить. Научить людей чему-то. Хотя какой из этой бестолочи учитель...

* * *

– Делай ставки! – заорал мне тучный метис из дальнего угла темного зала с бассейном. – Джולי против принца Монако! Я серьезно, чувак! Ты только посмотри на это дерьмо!

Белый шезлонг готов был развалиться под огромной рыхлой тушей весельчака. Его слова и улюлюканье других присутствующих тонули в противном визге маленьких, но мощных моторов. Я побрел к бассейну. Там по колено в мутной воде стояли двое парней с пультами дистанционного управления. Повинуясь их сигналам, по бассейну сновали две модели гоночных катеров, от которых и исходил этот мерзкий пронзительный звук. Резвые лодки толкали по поверхности ссохшийся от времени овальный мяч. От воды ощутимо тянуло тухлятиной.

У этого бестолкового развлечения нашлись свои зрители. Собравшимся было далеко за сорок, и всех их в разные времена мне доводилось видеть на телеэкране или в прессе. Это помещение и эта сцена красноречивее всего говорили о положении, в котором мы все пребывали. Неприлично дорогой интерьер, пришедший в запустение, и самые пафосные персоны мира, теряющие рассудок от безделья.

– Гол!!! – в один голос завизжали четыре крупные женщины, сидевшие на противоположном бортике.

Мне стоило большого труда узнать в них королев подиума времен моей юности. Когда-то я не раздумывая отдал бы даже свой велосипед за возможность лично поболтать хотя бы с одной из них, а сейчас для этого надо было только обойти бассейн.

– Ой! Смотри, куда идешь! – натолкнулась на меня Марина.

– Прости! – Я сделал шаг назад и взглянул на свою рубашку.

На животе расплывалось желтое пятно от газировки.

– Мы квиты. – Она рассмеялась, пытаясь меня отряхнуть. – Ты отдал мне ногу, а я тебя облила.

– Ничего, – отмахнулся я. – Кажется, здесь всем плевать на твой внешний вид.

– И все же, если ты собрался знакомиться с топ-моделями, пусть и отставными, то лучше бы тебе переодеться.

Марина указала глазами на крикливых тетушек.

– В другой раз. Уверен, что топ-модели никуда не уйдут.

– Это точно, – вздохнула она. – Моран никого отсюда не выпустит.

– Кто?

– Моран. Он называет себя пилотом нашего отеля, хотя на самом деле просто является оператором бортовой системы, которая и без него отлично работала бы, а после посадки вообще не нужна.

– Он один обслуживает весь отель? – удивился я. – Понятно, почему здесь такой свиначник.

– Он обслуживает полумоечную машину. На остальное у него едва ли хватит сил в его-то возрасте...

В этот момент раздался плеск, и нас окатило крупными зловонными брызгами. Резко обернувшись, я увидел катер, плавающий у самого бортика вверх дном.

– Да что ж такое, а?! – раздосадованно развел руками тот, кто им управлял.

– Притяжение снизилось, – ответил ему другой. – Они сейчас будут переворачиваться на каждом вираже.

– Ладно, завязываем на сегодня! – Он подошел почти вплотную к нам. – Я завтра отыграюсь.

Глядя на него, моя спутница вытерла лицо рукавом и как-то нехорошо засопела.

– Эй! Неплохо бы извиниться! – процедила она сквозь зубы.

– Да ладно! – махнул он рукой в ответ. – Это всего лишь вода. Обсохнешь.

– Стоять! Я жду извинений.

– Видал? – обратился он ко мне. – Что это у тебя за гримза?

– Как ты меня назвал?!

– А что? Есть проблемы? – приблизившись к самому бортику, протянул парень в бассейне с наглой улыбочкой.

– Сейчас будут!

– Ты на кого наехать решила? Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь, тварь?..

Едва раскрыв рот, чтобы вмешаться, я отпрянул и рефлекторно зажмурился. Моя хрупкая приятельница неожиданно схватила «аристократа» за ворот, разбила о кафель мой стакан и приставила отколотое доньшко к его горлу.

– Ну давай! – жестко прошипела она. – Скажи мне, кто ты без своих шестерок и банковских счетов? Что значит твой вонючий статус против этого?

– С ума сошла? – побелел тот, вяло попытавшись вырваться.

Заметно подурневший взгляд парня в бассейне снова поднялся на меня, теперь уже зывая о помощи. К моему полнейшему удивлению, из его носа потекла кровь, а это могло говорить лишь о том, что моя странная землячка, помимо прочего, каким-то непостижимым образом изловчилась ударить своего оппонента в лицо. Чем и в какой момент, так и осталось для меня загадкой.

Публика у бассейна сбилась в кучу и притихла. Желаящих вмешаться в этот конфликт среди присутствующих не находилось.

– А представь себе, что сошла, – ухмыльнулась Марина. – С катушек съехала, как и все в этом отеле. И нет здесь ни санитаров, ни полиции, ни законов, каждый сам за себя, и у всех поехала крыша. Что мне мешает прирезать тебя прямо сейчас? Одно короткое движение стеклышка – и ты сдохнешь в этой мерзкой луже, истекая кровью, дергаясь и гадя в агонии себе в штаны. И ни одна мразь к тебе не приблизится, потому что все обделаются со страху. И всем будет проще перейти в другой бассейн, чем марать руки, доставая отсюда твой разбухший труп.

– Нет-нет-нет... – заныл парень.

– Это все, что ты можешь сказать? – почти ласково улыбнулась моя спутница. – Подумай еще. Я не тороплюсь.

– Думаю, сейчас вам лучше извиниться, – предложил я. – Простая формальность, и забудем об этом.

* * *

На пятые сутки после активации Эму сделал свою первую запись в бортовом видеоархиве. Старуха заставила. Никакой информацией о том, кто он такой и что от него требуется, на тот момент он по-прежнему не располагал, поэтому запись не была особо содержательной. Было ясно, что его когда-то специально готовили к службе в качестве инструктора генофонда, и он мог лишь надеяться, что знания и умения в нужный момент всплывут в его голове сами собой. Надежда эта была весьма слабой и оптимизма ничуть не прибавляла, а скорее, даже наоборот.

Когда в душевой прямо из стены выскочил железный карман, на котором было написано «Для использованного белья», Эму почти не испугался. Он начинал медленно привыкать к здешним порядкам и поэтому твердо решил больше ни на что не реагировать так эмоционально, как на автоматический слив в туалете, когда впервые с ним столкнулся. Хладнокровно опустив свои вещи куда полагалось, посетитель душевой захлопнул карман и повернулся к узкому зеркалу, вокруг которого располагались форсунки для воды. В отражении просматривался исхудавший, обросший, сутулый человек синевато-белого цвета, отчего настроение сделалось еще хуже.

– Внимание! Вы не производили замену одежды в течение 33 тысяч 977 суток и 6 часов, – вдруг сообщил голосовой интерфейс бортовой системы.

Эму успел его возненавидеть, пока выяснял у компьютера, как на этой чертовой посудине помыться.

– ... Во избежание возникновения кожных и инфекционных заболеваний в условиях длительных космических полетов следует производить замену как можно чаще. Рекомендуемая дата следующей замены...

– Замолчи! – раздраженно перебил Эму, и голос умолк.

На стенках душевой кабинки не наблюдалось ни ручек, ни вентилях, ни кнопок. Что надо сделать, чтобы из форсунок пошла вода, он не знал или забыл. Соображая, как быть, беспомощный инструктор почувствовал, что начинает замерзать.

– Да... холодно, – задумчиво произнес он, после чего со всех сторон немедленно ударили мощные струи ледяной воды.

Дыхание перехватило. Возможно, это помешало ему ляпнуть что-то лишнее, что было бы воспринято системой как команда. О том, чтобы выскочить из кабинки, ставшей для него ловушкой, при его физической форме нельзя было и мечтать. Поэтому остатки сил он вложил в крик, молящий систему о более теплой воде.

Под горячим душем Эму провел около получаса. Выходя из тесной душевой комнаты, он вздрогнул. Лысая старушка в комбинезоне ожидала его прямо за дверью.

– Ага! Сам разбираешься?

– Подсматриваете?

– Через дверь? – хмыкнула она. – С центрального пульта через камеры слежения видно гораздо лучше. На крики твои пришла.

– Я вас искал. Очень долго.

– Думал, заорешь – и я тут же прибежала? Шиш тебе по всей твоей роже! Мне тоже иногда нужно спать. Я девушка немолодая, утомляюсь быстро. Ты уснул, и я прикорнула. Но твои вопли... мертвого поднимут.

– Завопишь тут с вашей системой!

– А ты на систему не греши. Техника – она ведь крика не понимает. Делает все быстро и исправно. Как спросил, так и ответит.

– Кто вообще придумал поставить здесь голосовое управление? Это бред!

– Бред – это искать в общем поисковике душевую комнату. Я как увидела результаты ваших поисков, молодой человек, так меня чуть не вытошнило. Весь экран завален ссылками на кожные грибки, венерические заболевания и прочую срамоту. С картинками! Приличной женщине от тебя подальше держаться надобно, извращенец! Да-да!..

Напиток из порошка какао бабка теперь подавала только на ужин. Завтрак состоял из безвкусной клетчатки и кислого фруктового концентрата. Рукам еще не вернулась положенная ловкость, поэтому часть пищи оказывалась на столе. Каська на шлепки не скупилась.

– Не чертыхайся, – строго сверкнула она глазами, когда Эму снова что-то уронил. – Чему детей научишь?

– Детей? – усмехнулся он. – Какой, вы сказали, у них биологический возраст?

– При чем тут возраст? Руки и ноги у них взрослые. Но они не умеют ни ходить, ни сидеть, ни говорить, ни ложку держать. Потому здесь и поставили голосовое управление и не найдешь ни кнопок, ни вентиляй. Чтоб не обварился никто, не убился и других не покалечил.

– Занятно. Интеллект младенцев во взрослых телах. А каково соотношение мужских и женских особей?

– Конечно же, поровну! Что за глупый вопрос? Пятьдесят тех и пятьдесят других. На «четверке» – то же самое.

Через силу глотая отвратительную жижу, находившуюся в его тарелке, Эму удрученно промямлил:

– Не нравится мне все это.

– Невкусно? – толкнула она его локтем. – Хочешь, добавочки положу?

– Нет, спасибо...

На мгновение он попытался представить себе лысую старуху Каську в крестьянском платке, как она угощает его блинами у открытого окошка с резными ставнями. Получившийся образ показался чудовищным. Определенно ей больше подошла бы роль лихой сказочной ведьмы.

– Я вот что думаю... – постарался объяснить Эму. – Ну, вскрыем мы этот ваш генофонд, ну, поползут оттуда спиногрызы слюнявые. Я их даже в одну кучу не соберу, не то чтобы научить чему-то хорошему. А плохому, знаете ли, они и без меня научатся, глазом моргнуть не успеешь.

– Ты, самое главное, успокойся и не спеши, – посоветовала бабка. – Попал ты, конечно, капитально, но истерикой горю не поможешь.

– Успокоиться? – ухмыльнулся Эму. – Вы хоть представляете себе, что такое сотня человек, не умеющих себя обслужить?

– Мне и одного предостаточно. Слушай! Понятно, что ты недавно активирован, что у тебя мозги враскоряку. Но тебе с этим разбираться – никуда не денешься. Изучи все, пойми, с какого конца хватать, а уж потом решать будешь. Но помни, что ошибаться тебе нельзя. Мать говорила, что от тебя все дело зависит. Тут ты либо пан, либо пропан!

– Пропан? – рассеянно переспросил Эму.

– Газ такой, дурень! – Снисходительно улыбнувшись, бабка потрепала его шевелюру. – Башку тебе обрить надо...

К жуткой холодной черноте огромных пустых помещений галеона пассажир без памяти привыкал долго. Чего бы ни касались его руки, все оказывалось покрытым либо пылью, либо ржавчиной. Старуха была помешана на экономии ресурсов и поэтому слышать не хотела об освещении или уборке. Хозяйка хоть уже и не казалась ему существом, чуждым человеческой природе, но оснований сомневаться в том, что она не в своем уме, у Эму пока не находилось.

Иногда она проползала мимо, словно не видя его, а когда он ее окликал, вопила так, будто на нее замахивались топором. Она могла пропасть почти на сутки и шарахаться где-то в темноте, точно привидение, а потом приходила и болтала как заведенная. То и дело она напяливала свои очки без стекол и часами бормотала что-то себе под нос, раскачиваясь взад-вперед. Но не было ничего хуже, чем слушать, как она горланит песни. Репертуар старухи, очевидно, основывался на том, что она слышала от родителей в детстве. Потом исковеркала и переврала это на свой манер, разукрасив многократно повторяемыми завываниями.

Со временем Эму стал списывать все странности Каськи на условия, в которых она жила: некогда молодая, возможно, совершенно нормальная женщина смотрела на дряхлеющую мать, бродила по одним и тем же темным коридорам, развлекала себя одними и теми же служебными видеофайлами и подолгу аукала в гулкую черноту свои жуткие напевы. Он пытался представить себе, какой она была в молодости: стройной красавицей с длинными волосами, а может быть, круглой улыбчивой пышкой или же долговязой молчуньей с бритой головой, созерцающей космическое пространство через толстое стекло какого-нибудь иллюминатора. А потом старела и медленно выживала из ума. Полет длиною в целую жизнь! Есть отчего свихнуться...

– Основной груз на борту, – зазвучал нежный электронный альт, которым разговаривал информационный портал, – генофонд, состоящий из человеческих особей мужского и женского пола в равных пропорциях, полученных методом тщательной генной селекции и путем ускоренного внеутробного выращивания в специальных лабораториях по искусственному клонированию человека. Транспортируются в состоянии анабиоза. Общее количество – сто человек. Вес нетто...

– Ха! Вес нетто! Как мясо, честное слово, – фыркнул Эму. – Ну, это я уже знаю. Дальше.

Под присмотром бабки он осваивал работу с бортовой системой и довольно скоро добрался до информации, без которой начинать подготовку к инструкторской работе было нельзя. О содержимом трюмов Каське до этого момента слышать не приходилось, поэтому теперь она сидела, открыв от любопытства рот.

– Вспомогательный груз: полный комплект нижней и верхней одежды, позволяющий выжить как в экваториальных климатических условиях, так и в условиях Крайнего Севера. Транспортируется в закрытых трюмах. Одежда оснащена радиомаяками, позволяющими осуществлять контроль над перемещениями носителей в радиусе ста километров. Вес нетто в сухом состоянии...

– За чьими перемещениями? – переспросила Каська.

– За перемещениями людей, носителей одежды с маяками, – ответил Эму.

– Вот потеряет штаны такой носитель, и ищи его свищи!

– Вспомогательный груз, – продолжал компьютер, – инструментарий для ручной обработки древесины, металла, камня, грунта, часть которого может быть использована для самозащиты. Инструментарий для бытовой обработки овощей, фруктов, мяса, шкур животных и ткани, посуда для приготовления, сервировки пищи, столовые приборы, в том числе...

– Дальше!

– Второстепенный груз – компактные универсальные бытовые печи для плавления черных и цветных металлов, обжига керамики, обработки стекла в количестве пяти штук. Подходят для термической обработки мяса целыми тушами и для полной кремации тел.

– Свят-свят-свят... – буркнул Эму.

– Что? – пискнула старуха.

– В печках можно и еду готовить, и мертвых людей жечь.

– Какие хорошие печки!

– Рад, что вам нравится. Дальше!

– Груз третьей степени... – Электронная барышня, вещавшая из динамиков, сделала паузу, словно ожидая аплодисментов. – Оружие огнестрельное...

– О-о-о-о, – с досадой в голосе протянул Эму.

– Ну что ты опять окаешь?

– Пушки могли бы и поновее дать. Хотя, с другой стороны, эти починить легче и боеприпасы к ним делать проще.

А список тем временем продолжался и продолжался.

– Оружие холодное...

– Дальше.

– Ткань синтетическая.

– Дальше.

– Продовольствие...

Еще час виртуальная дама рассказывала о том, какие запасы клетчатки, белка, глюкозы и концентрированных вкусовых добавок хранятся в закрытых корабельных трюмах. Словно обозначая каждый из перечисленных пунктов, Эму щелкал пустой зажигалкой, давшей ему имя.

Когда голос компьютера смолк, в тишине просторной рубки пилота остались только эти звонкие щелчки. Взгляд молодого человека дрожал от напряжения в одной точке.

– Ну? – осторожно полюбопытствовала старуха.

– ...Добра нам с вами навалили, госпожа Каська, выше крыши. Не одно племя вырастить хватит.

– Это ж хорошо. Так ведь?

– Так, да не так.

– И чего ж ты такой серьезный?

– Слишком много всего. Каждый предмет означает лишнюю тему для изучения. Столько особых факторов, сразу сто человек с нулевыми знаниями – и очень мало времени. Думается мне, нельзя так сразу все валить в одну кучу. По уши увязнешь. Тут нам обстоятельность нужна и последовательность... Как я могу попасть в корабельные трюмы?

– Никак, – пожевала губами Каська, не сразу заметив полный непонимания взгляд Эму. – Что? Тебе на нашем языке сказали, что закрыты они.

– И как их открыть? – прищурился инструктор, будто продолжая верить, что его все-таки, разыгрывают.

– Придет время – сами откроются. – Секунду-другую бабка пыталась изобразить такое же выражение лица, что было в тот момент у ее собеседника. – Тут не все так просто. На самом деле здесь предусмотрено во много раз больше помещений, чем ты видел. Стенки и полы сейчас плотно уложены, чтобы все было компактно. После посадки галеон раскроется в разные стороны и будет похож на городок. У меня тут картинки есть. Потом посмотришь.

– И поэтому доступ в трюм закрыт... – устало заключил Эму.

– Ну да. Чего же тут непонятного? – Каська картинно вздохнула. – Ничего не попишешь. Маршевая конфигурация судна.

* * *

– Сколько раз вам можно повторять?! – взвизгнул Моран, забрызгав слюной и меня, и Марину. – Ни один из вас не выйдет наружу, пока за нами не явятся представители команды проекта «Спейс Импералити»!

Мерзкий худой старикашка вел себя как новоявленный криминальный авторитет. При первом взгляде на этого человека создавалось впечатление, будто всю свою жизнь он просидел на цепи, воспитывался палками и питался помоями, а теперь, дорвавшись до связки с ключами, отыгрывался на приличных людях.

Сам не понимаю, как я влип в эту историю, только теперь мне тоже не терпелось выбраться из отеля и что-нибудь предпринять для нашего общего спасения. Должно быть, я так

содействовал Марине, чтобы место ее партнера не досталось Лоренцо. Что ж, вполне понятные для мужчины мотивы.

– Насколько я знаю, – начал я давить на старика, – нам полагаются прислуга, охрана, транспорт и неограниченная свобода перемещений как внутри отеля «Ригель Резиденс», так и за его пределами.

– Мы за это заплатили! – помогала мне напарница. – И заплатили очень большие деньги, если вы вообще понимаете, о чем я. Вы такие суммы в жизни не видели и вряд ли когда-нибудь увидите. А нас держат взаперти и кормят химикатами! Кругом грязь и нечистоты! И нас не интересует, как вы это объясните! Мы требуем прекратить это немедленно!

Морана не впечатлил красочный рассказ Марины о недостижимом статусе гостей, и он продолжал твердо стоять на своем:

– Пока нет охраны и прислуги, никакой свободы вам не видать.

– Так свяжитесь с кем-нибудь, – предложил я.

– Связи нет.

– Направьте добровольцев.

– Не положено.

– Почему? – попытался я переключиться на примирительный тон. – Метан и сера за бортом? Воздух для дыхания непригоден?

– Пригоден.

– Температура там опасная или что?

– Нет, температура нормальная. Но я вас не выпущу. Не положено.

– Но мы не можем торчать здесь вечно! – заорала Марина. – Надо же хоть что-нибудь сделать! Если вы не можете разобраться в этой ситуации, предоставьте это людям посерьезнее и помоложе! Мы хотим выйти и привести помощь! Выпустите хотя бы нас двоих!

– Таковы правила, и это не обсуждается, – ехидно прошамкал старик.

– Да пошел ты со своими правилами! – Я взял Марину за локоть и подтолкнул к выходу. – Идем! С ним бесполезно разговаривать.

– Я убью этого уroda! – прошипела она, когда за нами закрылась дверь.

– О да, ты можешь, я не сомневаюсь. Но давай рассматривать этот вариант, как крайний. Атмосферу надо было срочно разрядить.

– Зачем ты так себя накручиваешь? Если сейчас погаснет свет, станет видно, как от тебя летят искры. Как от злобной кошки.

– Полетят тут искры!.. Сотни! Сотни идиотов под замком у одного недобитого выродка, и никто не может ничего сделать!

– Ну ладно! – спокойно возразил я. – Среди этих идиотов есть весьма уважаемые люди. Бизнесмены, аристократы, знаменитости...

– Ты про того хама в бассейне? Он с настоящими аристократами – седьмая вода на киселе. Его бы посадили за кокаин, если бы он сюда не сбежал. А дружок его – якобы внучатый племянник приемного сына киноактрисы, которую уже наши с тобой родители не очень хорошо помнили! Любой вьетнамец может назваться фамилией Джоли, и не проверишь.

– Не расходуя свои нервы на всяких придурков. Они того не стоят. Надо расслабиться и подумать... Выпьешь?

– У тебя есть?! – с благоговейным ужасом прошептала она.

– Иначе я бы не предлагал.

– Распаковал-таки свой багаж... Молодец!

Мой номер почти ничем не отличается от всех остальных на этом этаже. Гостиная, спальня, ванная. А вместо окна – большой квадрат из прочного матового стекла. Если не думать о том, что за ним светодиоды, то выглядит очень правдоподобно. Даже картинка меняется в зависимости от времени суток. Кажется, что листья колышутся и дождик идет.

Гостя с размаху уселась в жесткое кресло на изогнутых блестящих ножках, а я зашел на минутку в спальню, где валялись мои наполовину разобранные баулы.

– Он, наверное, испортился, – не без любопытства взглянула она на красивую пузатую бутылку.

– А мне говорили, что виски дороже десяти штук не портится никогда.

О том, сколько он на самом деле стоит, я решил скромно умолчать. Ее наверняка сложно было удивить такими суммами, если уж она оказалась здесь.

– А мне сказали, что еду и напитки с личными вещами брать запрещено.

– А мне тоже так сказали. Ну так и что?

– Теперь уже ничего. Мне чуть-чуть.

Она откинулась на спинку кресла, спихнула тапочки и подняла ноги на сиденье. Ее ступни выдавали в ней мою ровесницу. Было видно, что большую часть жизни она тратила немалые деньги на поддержание хорошей формы, но возраст, экология и стрессы все-таки давали о себе знать.

– За перемены! – предложил я тост. – Как видишь, любую систему можно обойти. А значит, и Морана мы обойдем.

– Принимается! – отсалютовала она стаканом.

– Ну что ж, пришло время рассказывать, кто ты и откуда, – сделав глоток, потребовал я. – Теперь у меня тоже есть прошлое.

– Можно я воспользуюсь правом на анонимность?

– Конечно же нет! Во-первых, мы договаривались, а во-вторых, должна же ты хоть что-то о себе рассказать, чтобы я отвязался.

– Чтобы ты отвязался, необязательно разговаривать. Что ты хочешь услышать?

– Что угодно. Можешь даже наврать, что ты тоже из дворян... Скажи хотя бы, в какой области ты работала?

– Косметология, – ответила она. – Свой бизнес. В Штатах. А ты?

– Масс-медиа. Свой бизнес. В России.

* * *

На что должен быть похож тренажерный зал, Эму вспомнил сразу же, как только туда попал. Чтобы устранить слой пыли в три пальца, он тайком от старухи пустил на тряпки целую простыню. Обшивка подушек на агрегатах полопалась, краска отслоилась, но железяки оставались в рабочем состоянии. Здесь можно было периодически уединяться и думать с пользой для физической формы. Привести себя в порядок следовало во всех смыслах: на исходе своего девятого десятка Каська демонстрировала явное превосходство над исхудавшим подопечным и в скорости, и в мышечной массе.

Когда он ворвался в рубку, старуха сидела спиной к мониторам, смотрела прямо перед собой и что-то бормотала.

– Хватит болтать непонятно с кем, – бесцеремонно прервал ее Эму.

– С тобой болтать, что ли? Только нервы мотаешь.

– Расскажите мне, что на остальных кораблях?

– Опять?! – удивилась она.

– О функциях каждого галеона вы не сообщали. Если генофонд только на нашем и на четвертом, то зачем все остальные?

Он приготовился к долгому спору с «темной стороной» старухи, но та неожиданно быстро пошла навстречу его просьбе.

– Смотри! – Каська снова вывела на экран изображение кораблей, летящих ромбом. – В головном – группа специально выращенных вооруженных солдат. Инструктор у них какой-

то полковник. Они проходят всю подготовку на своем корабле и первыми выйдут на поиск остальных. Но сперва им следует встретиться с экипажем последнего, восьмого галеона.

– А там что за экипаж?

– Начальство, – подняла она указательный палец. – У них два дублирующих инструктора и управляющий состав из числа новых людей. Все это обозначается словом «Церебриум».

– Мозговой центр? Они должны управлять колонией?

– Типа того.

– А связаться с ними нельзя?

– Раньше связь была, а сейчас ничего не получается.

– Это очень плохо. Мне неясен мой статус.

– Ты – инструктор, – напомнила бабка.

– А что это значит? Кто они для нас? Каковы их цели и методы управления? От этого зависит, кем я должен быть для моего народа? Старостой? Отцом? Королем? Богом?

Лицо Каськи при этих словах даже не дрогнуло. Казалось, что ей все равно, в чем разница между богом и старостой. Крякнув, она поднялась из кресла и принялась копать в каком-то шкафчике.

– А что на этих четырех судах? – нарушил молчание Эму, указав на монитор.

– Это заводы. Там всякое оборудование, несколько ученых и кое-какая рабочая сила.

Ситуация начинала понемногу проясняться. Выходило, что колония должна начинаться не с двухсот человек, а с полутысячи. При этом в будущем обществе уже были предусмотрены ученые, рабочие, воины и правители. Беспokoиться о специальном развитии этих категорий в своей сотне Эму не стоило.

– Скажите, – обратился он к Каське, – вы верите в то, что за сто недель из детского сада можно создать полноценную группу для высадки на чужую планету?

– Я верю в инструкции и в расписание, – сухо ответила она. – Ты пробудился точно в срок. Теперь делай что хочешь, но до посадки успей.

– Но что именно мы должны успеть? Как узнать о целях экспедиции, о схеме взаимодействия групп?

– Вся информация на восьмом галеоне. Что мне мать рассказала, то я и знаю. А ну, закатай рукав.

– Зачем?

– Закатай рукав, говорю! Бабушка тебе плохого не сделает.

Эму нехотя задрал короткий рукав своей футболки, а в ее руке блеснул маленький хромированный пистолет для инъекций.

– Ай!

– Не ори. Помассируй лучше.

– Что вы делаете?

– Ешь ты мало, а суетишься много, хотя рано тебе еще. А теперь идем.

– Куда?

– Отведу тебя в каюту, пока ты не вырубился.

– Вы меня накачали снотворным! – запротестовал было Эму.

– Именно. Не хватало еще, чтобы у тебя крыша поехала! Вон, уже думает, каким местом он на бога похож.

– Я же теоретически!..

– Ступай-ступай! – ворчливо поторопила старуха. – А не то уснешь в коридоре. Чисто практически.

Каюты, в которую его определила Каська, гораздо лучше подходила для жизни, чем кресло в рубке пилота. Помещение это было одним из немногих, что содержались в чистоте, и там имелась возможность подключить монитор.

После инъекции снотворного снились кошмары. Во сне Эму видел замерзших насмерть, покрытых инеем женщин. Очень молодых, почти девочек. Они тянули к нему свои руки и звали по имени. Проснулся он совершенно разбитым и с высокой температурой.

– Ну вот видишь, схватил жар со своими тренировками, – строго проворчала бабка. – Если б не сделала тебе вчера укол, слег бы надолго.

– Если б не ваши уколы!.. – не выдержал Эму. – Вы срок годности на препаратах читали?!

– Читали! – вытаращилась на него лысая Каськина голова. – У меня все строго по инструкции... На, жри!

Она с размаху брякнула ему поверх одеяла пластиковый поднос с противной жижей и кислым пойлом.

– Ладно... – быстро осознав опрометчивость своего поведения, поднял ладони Эму. – Откуда вы только берете все эти инструкции? И не врите, что вас всему мать научила.

Вне всякого сомнения, каждое действие пилота галеона регламентировалось целым томом разнарядок и директив, предусматривавших возможные варианты развития событий. Среди них, возможно, содержался запрет или какие-то ограничения на инструктаж самого инструктора. Должно быть, Каське полагалось накормить Эму, показать бедолаге, где галюнь, ткнуть его носом в монитор для сеанса связи с Церебриумом и следить, чтобы не вышел из строя от непривычных нагрузок.

– Неужели у меня нет ни одного персонального напоминания? – продолжил он свой вопрос.

– Нет, – покачала головой Каська. – Что, надо признать, все-таки очень странно. Известно же, что искусственная крио-гибернация почти полностью останавливает жизненные функции клеток, в том числе и клеток мозга, хранящих память. Думаю, что каждый, кто полетел на восьми кораблях, сделал какие-то записи. Но у тебя ничего нет. А это очень странно...

– Да-да, странно! – перебил Эму, пока старуха не начала повторять все по второму кругу. – Если записей на мое имя не существует, то мы можем просмотреть информацию о других членах нашего экипажа, не так ли?

– Ну, вроде мать оставила кое-что, но я в ее записи не хочу заглядывать. Я и так уж наизусть помню все, что она говорила.

– А мне можно? – аккуратно привстал Эму, стараясь не слишком выказывать старухе свое любопытство. – Вы же говорили, что мы все были знакомы...

– Смотри, конечно, – равнодушно ответила она. – А у меня других дел полно.

Каська прошла с ним к центральному пульту и показала, где хранились записи пилотов. Это были в основном монохромные снимки пониженного качества, которые не занимали много памяти. Эму листал их в обратном порядке, год за годом углубляясь в прошлое. Скоро похоже, как под копирку, портреты лысых старух сильно помолодели. Зная, что не увидит для себя ничего нового, он перестал вглядываться в лица на снимках. Вдруг очередная картинка стала воспроизводиться как видеофайл, и в ожившем образе он узнал ее.

С пилотом Анной Шпеллик во время подготовки к полету Эму очень тесно общался. Гораздо ближе, чем следовало. Курсы занятий инструкторов и пилотов почти ничем не отличались. Казалось, что все просто. Дружная команда молодых специалистов взойдет на борт корабля, и они вместе полетят далеко-далеко – открывать неизведанный мир. Так оно и вышло, с той лишь разницей, что Анна полетела в паре с Зиги, а он – Эму – в анабиотической камере. Той девушке, которую он любил, предстояло жить с другим человеком, родить от него дочь и умереть дряхлой старухой за долгие десятилетия до выхода инструктора из гибернации.

Когда в помещении, где находился центральный пульт, снова послышались шаркающие шаги старой Каськи, Эму задумчиво вращался в кресле пилота.

– Поломаешь, – буркнула она.

– Как там ваше хозяйство? – Эму встретил старуху задумчивой улыбкой.

– Не твое дело. Вот обрею тебя наголо, будешь знать.

Зачем-то она схватила подопечного за косматую челку, но осеклась и брезгливо вытерла руку о комбинезон.

– Теперь я знаю ваше полное имя, – серьезно сообщил он, приглаживая взъерошенные волосы.

– Я и сама его знаю.

Она запихнула какой-то плоский сосуд под пульт, где у нее хранилась куча всякого хлама.

– Ты что-то вспомнил полезное?

– Да так, по мелочи... Ваша матушка оставила мне сообщение, но даже имени моего не назвала. Любопытно было увидеть вас в молодости. Хотите посмотреть видео?

– Надо же!.. – замерла старуха. – А мне говорила, что есть только стоп-кадры...

– Присаживайтесь. – Он усадил бабуку в кресло, приобняв за плечи, чего раньше никогда не делал. – Компьютер! Воспроизведение!

На экране появилась худощавая женщина с годовалым ребенком на руках. Головы матери и дочери были обриты под ноль. Девочка на коленях Анны извивалась и кричала, изо всех сил выражая нежелание сидеть смиренно:

«Дорогой Эму!.. Привет, вредина! Помнишь меня? Куда же ты денешься? Если ты смотришь эту запись, значит, меня давно уже нет... Ты многое пропустил. Зиги не стало слишком рано. Зато смотри, кто у нас тут есть! Это Кассия, что означает „чистая“! Родилась через семь лет после вылета... Я очень хочу, чтобы ты запомнил нас такими. Знать больше ты и сам не хотел, но если тебе очень захочется вспомнить еще что-нибудь, задай вопросы Луизе Дюпон. Она все узнает, когда проснется. А пока я буду помнить все за нас обоих. Буду помнить всегда. До самого конца... Ну что ж!.. Ни о чем не жалею... И будь счастлив... Эму!»

– Ну как вам, госпожа Кассия? – мягко спросил он.

– Прикольно, – шмыгнула носом старуха.

– Зря я вам это показал, да?

– Нет, нормально. – Она громко прокашлялась и спросила: – И что же ты узнал из этой записи? По-моему, мать ничего не сказала.

– Что надо, то узнал. Точнее, просто вспомнил. Например, что полностью все условия полета нам сообщили прямо перед стартом, когда отказываться было уже поздно. И что меня эти условия настолько не устраивали, что я специально хотел избавиться от всего, что напоминало бы мне о прошлом.

– И что же тебя так не устроило? – скептически сморщилась Касья.

– О, я догадываюсь! И матушка ваша была настолько добра, что помогла защитить мой рассудок. Она удалила мое личное досье из этой системы и переправила его или какую-то его часть в компьютер другого галеона, оставив мне возможность выбора вспоминать или не вспоминать. Что ж, подождем до времени. Правда, есть пара вопросов, которые следовало бы прояснить пораньше.

– И что же это за вопросы?

– Почему она назвала меня Эму и почему она сочла нужным сообщить мне, что Зиги ушел слишком рано?

– Он был моим отцом, понятно? – вскочила с места бабука. – Думаешь только о себе, а мать после его смерти осталась совсем одна! Ты когда-нибудь пробовал рожать в одиночестве?

– Я прошу прощения, – смутился он. – Да, конечно, это было для нее очень большой потерей, о которой она не могла умолчать. Не сообразил.

– Ну, а про Эму я тебе рассказывала, – мгновенно успокоилась хозяйка.

– Тут неувязочка. Вы сказали, что вместе решили назвать меня так по надписи на моей зажигалке. Но выходит, что Анна прекрасно знала, как меня зовут, и я носил имя Эму задолго до вашего рождения.

– Да. Неувязочка, – согласилась бабка. – Получается, тебя на самом деле так по-дурачки зовут?

– Если б я знал! – развел он руками.

* * *

– Какие будут идеи? – Марина со звонким стуком поставила пустой стакан на стеклянный стол.

Теперь она регулярно заходила ко мне выпить после обеда, пока основная часть наших соседей устраивала себе некое подобие сиесты, длившейся до самого ужина. В это время суток в коридорах обычно не было ни души.

– Этот вопрос ты мне уже сто раз задавала. И ничего нового я тебе не скажу. Считаю, что если Морана нельзя убедить, то его можно либо силой, либо обманом заставить открыть для нас единственный портал. Вариантов мало.

– Не так уж и мало.

– Что ты имеешь в виду? Хочешь подкупить его, предложив сексуальные услуги?

– Центральный портал не может быть единственным выходом. Должны быть технические шахты и люки.

– Где?

– Например, в крыше, – спокойно предложила она. – А что? Можно попробовать выйти через верх.

Показав на нее пальцем, я картинно рассмеялся.

– Самоубийство – это не выход! Не для меня.

– Почему же самоубийство?

– Ты хоть представляешь, сколько там падать?

– А если ночью, когда гравитация снижается?

– Какая разница? С такой высоты убьешься хоть днем, хоть ночью.

– Сейчас я тебе кое-что покажу, только ты ничего не говори.

– Ой-й-й-й! – не желая вставать с кресла, вздохнул я.

Мы вышли в длинную галерею, где справа и слева от нас тянулся ряд одинаковых темных дверей соседних номеров. И наша, и противоположная половины отеля состояли из таких галерей, спускавшихся вниз десятками ярусов. Пространство между ними сильно сужалось к нижним этажам.

Вокруг было пусто и тихо. Лишь из ближайшей диванной комнаты доносились звуки неразборчиво бубнивших мужских голосов. Марина оглянулась по сторонам.

– Никого нет, – стараясь не шевелить губами, пробормотала она. – Но на всякий случай делаем вид, что мы просто прогуливаемся.

– А если кто-то будет проходить мимо, сделаем вид, что целуемся.

– Это лишнее. Не подумай, что я отказываюсь, но так мы привлечем больше внимания.

– Здесь всем друг на друга плевать, – ответил я. – Можно вообще не прикидываться.

Шагая за ней, я оказался возле самых перил. Она облокотилась на них и кивнула куда-то в пустое пространство.

– Теперь смотри.

– Куда?

Аккуратно взяв за бока, она развернула меня чуть правее. В той части отеля потолок полого спускался вниз и на внушительной высоте упирался в стену служебного сектора, где находилась каюта мерзкого Морана. Какое—то время мы молча рассматривали величественную архитектуру нашей общей обители. Этот дивный вид к тому моменту уже был изучен мною вдоль и поперек, и мой замыленный глаз не мог зацепиться решительно ни за что. Зато слух в тишине стал гораздо острее.

– ...Послушай, Мартин! Ты отличный боксер! – увещевал кого-то в ближайшей диванной комнате спокойный мужской голос. – Я уважаю твои титулы, и мне очень нравятся твой нос и твои губы!

– Тогда в чем дело, док? – раздался в ответ грубый бас с плаксивыми нотками.

– Нравятся как профессионалу, понимаешь? Я, как пластический хирург, не рекомендовал бы тебе их переделывать, но...

– Но вы не хотите...

– У меня совершенно другие вкусы...

– Потому что я черный?

– Пожалуйста, не начинай!..

На самом интересном месте Марина схватила меня за рукав и уволокла обратно в мой номер.

– Ну? – спросила она. – Что-нибудь заметил?

– Да, – ответил я. – На моем этаже живет экс-чемпион мира по боксу, и он гей.

Марина всплеснула руками.

– И он клеится к пластическому хирургу, который живет на моем этаже! Ты потолок видел?

– Видел.

– Ну?

– Что?

– Он пологий.

– И что с того?

– Мы можем спуститься по крыше над этим местом.

– А дальше прыгать с двенадцатого этажа? Извините!

– А что, если он и дальше такой пологий? – не унималась она.

– А что, если нет?

– А если нет, вернемся обратно! – Она в задумчивости укусила себя за палец. – Только как же мы попадем наверх?

– Что ж, будем искать, – предложил я. – По крайней мере, мы уже знаем, что нам надо наверх, а это исключает массу лишних вариантов.

– Ты слышал, как снаружи что-то грохочет?

– Ну да, – усмехнулся я. – Так грохочет, что стены дрожат.

– Я засекала. Это происходит постоянно с интервалом в 13 часов.

– Скоро опять начнется. Но как это нам поможет?

– Предлагаю ползти по верхним ярусам под шумок.

– Что ж, пожалуй, так надежнее, – согласился я. – Все наши соседи как раз свалятся с мигренью, а нас спасет мой друг Вискарик.

Марина сдула со лба светлую челку и заявила:

– Когда все закончится, я его обязательно прибью.

– Кого?

– Морана. Я не для того платила 50 миллионов, чтобы ползать по чердакам в поисках выхода и съезжать на заднице неизвестно куда! Налешь мне еще?

* * *

В тот день в душевой кабине компьютер порекомендовал постричь волосы с целью экономии моющих средств. Эму давно сообразил, почему у бабки такая прическа, а теперь решил, что и самому пора сдаваться. Пусть бреет.

Когда был запрошен генетический паспорт генофонда, система выдала текст на сотню страниц. Из документа следовало, что искусственно выращенные люди не являются носите-

лями генов предрасположенности к целому ряду заболеваний, а также к образованию различных опухолей.

В том, что дела обстоят именно так, Эму не сомневался. Гораздо интереснее было узнать, что весь генофонд обладал максимальной предрасположенностью к длительной физической нагрузке.

– Я б тебе и так сказала, что они совершенно здоровы, без всяких генетических паспортов, – проворчала Каська. – И что теперь?

– Теперь надо выяснить, кто из них какими качествами обладает, – не отрываясь от монитора, ответил Эму.

– А тебе не все ли равно? – Старушка тяжело опустилась в соседнее кресло.

– То есть как это – не все ли равно? Возможно, вы не знаете, но генетика определяет способности к самым разным занятиям!

– Это же просто граждане!

– Граждане, знаете ли, тоже бывают разные.

– И ты с каждым разбираться будешь? Тебе уже сказано, что они не воины и не ученые, не мудрецы и не рабочие для заводов. Чего тут еще выяснять? Кто из них тебе изысканнее и кудрявее яму выкопает?

– Вы хотите сказать, что в них есть всего понемногу в равных пропорциях?

– Да ничего в них нет! – шлепнула бабка себя по коленям. – Чистый лист. Пустой жбан. Что ты туда положишь, то и будет... Ты, ты!.. Да, ты, я тебе говорю!

Она настойчиво потыкала пальцем собеседнику промеж глаз.

– Значит, и о том, кого поднимать первым, думать не нужно, – скорее, самому себе пробормотал Эму.

– У тебя время уходит, а ты еще и к делу не притронулся. Все думаешь, читаешь, анализируешь! Голод не спросит, сможет ли он рисовать или в балете преуспеет! На чужую планету летишь, не в санаторий!

Слушая ее, Эму хлопал глазами, пытаясь припомнить, в какой момент полоумная старуха вдруг стала превращаться для него в источник истинной мудрости. Он вскочил и развернул Каську вместе с креслом так, чтобы та смотрела на него, и отошел на середину комнаты.

– Вот что я собираюсь сделать! – громко произнес он. – Мы подготовим к высадке не всю группу, а две-три пары. Так нам на длительный срок хватит собственных ресурсов и я смогу уделить больше времени на подготовку каждого. Потом с их помощью поднимем еще две-три пары, а затем еще... Высадимся, произведем разведку, научимся добывать пропитание, а там уже постепенно всех на ноги и поставим.

– Разумно. – Глаза Каськи замерли посреди ее изрезанного морщинами лица.

– Вы не согласны?

– Не получится у тебя постепенно, – пожевала она губами. – Нет, конечно, идея хорошая, но есть тут одно небольшое неудобство. Активация генофонда длится месяц. У тебя в распоряжении чуть больше года. Во время посадки активацию проводить нельзя.

– Почему?

– Перегрузки большие. Аппараты ломаются. Там хитро все устроено. Пока они выключены и сложены, им ничего не делается, а если включить, то опасно.

– И что же делать?

– Можешь разбивать на части сколько угодно, но учти: к выходу наружу должны быть готовы все.

– Да, я понял, – согласился Эму. – После посадки все должны стоять на ногах и уметь себя обслуживать.

– Вот именно. Возиться с ними времени не останется. Других дел будет полно.

Получалось, что активацию было реально произвести максимум в два этапа. Причем начинать работу с первой группой следовало в самые ближайшие дни. Для начала Эму принял решение поднять десяток человек и приступил к изучению программы работы с основным грузом.

Согласно этой программе при запуске активации внутри герметичной капсулы менялся температурный режим и оттуда удалялся тяжелый газ, заменяющий для живой кожи при отрицательных температурах питательную среду. Далее происходило подключение всех органов к единой системе контроля и жизнеобеспечения. Отключалось искусственное кровообращение и запускалось сердце. К каждой группе мышц подводились электроды и датчики. В рот и нос проникали зонды для питания и дыхания. Для выведения продуктов жизнедеятельности в теле размещались роботизированные катетеры. Даже пот удалялся специальными дренажными устройствами.

На следующем этапе система приступала к стимуляции мышечной деятельности и воздействию на особь зрительными, звуковыми, обонятельными, осязательными, термическими и вкусовыми раздражителями, идентичными натуральным. Придя в сознание, новый человек видел в проекционных очках всевозможные предметы и объекты, которые он мог брать виртуальными руками, ломать, бросать, ощущать их вес и фактуру. Компьютер разговаривал с особью через наушники, предлагал простые игры и даже учил передвигаться, пуская слабый ток в разные группы мышц, от чего они сокращались или расслаблялись. Таким образом, в самые короткие сроки искусственные люди получали базовые навыки ходьбы, бега, мелкой моторики, а также мимики и речи. По завершении данного этапа особь оказывалась в состоянии воспринимать и воспроизводить простые фразы, совершать несложные действия, обладала чувством равновесия, координацией движений и умением концентрировать внимание.

– Но это ведь жутко! – задумчиво пробормотал Эму.

– Что там тебе опять не слава богу? – Кассия взглянула на монитор через его плечо.

– Да вот удивляюсь я, как можно воспитать нормальную личность не то чтобы без матери, но и вообще без участия человека? Ребенка не качают на руках, не кормят грудью, не меняют ему пеленки и не делают козу. Что из него вырастет? Фигус с ножками?

– На данном этапе активации, – неожиданно продолжил свою речь компьютер, – комплекс мер по адаптации содержит программу принудительного привыкания особи к голосу и внешнему виду инструктора, а также к физическому взаимодействию с ним.

– Вот тебе и ответ, – кивнула бабка. – Не мать, конечно, но уже кое-что.

– Что еще за голос и внешний вид? – недоумевал Эму.

И тут на экране появился он сам. Изображение, почти безупречно воссозданное графическими модулями программы, широко улыбнулось и произнесло:

– А-а-а-а! О-о-о-о! У-у-у-у! Ы-ы-ы-ы! И-и-и-и! Э-э-э-э!

– Ужас! – захохотал Эму, вскочив с кресла.

– Поведение инструктора является эталоном, – холодно отчеканила система. – Любые слова и поступки инструктора верны и справедливы. Решения, принятые инструктором, обязательны к исполнению и не могут быть оспорены.

Волоски на теле будущего инструктора встали дыбом от услышанного. Оглянувшись на бабку, он заметил, как та шевелит губами, повторяя текст, исходящий из динамиков.

– Третий этап состоит из комплекса упражнений и демонстрации пакета видеофайлов, – снова заговорил компьютер. – Программа третьего этапа активации проводится при непосредственном участии инструктора и подлежит его авторской коррекции.

Широко открытыми глазами он пожирал множество ярких картинок, которыми была проиллюстрирована речь компьютера.

– Очуметь! – схватился наконец он за голову. – Что же мне со всем этим делать?

– Сначала придумай имена, – предложила старушка. – По-моему, человек без имени – это пустое место. Особенно если он из этих... Ну, из этих самых...

В огромном зале царил полумрак. Белые анабиотические камеры были выстроены в ряды по пять штук в каждом. Отражаясь в синем глянцевом полу, шеренги этих аппаратов высились друг за другом, уходя далеко-далеко в темноту. Это были точно такие же устройства, как то, в котором Эму провел большую часть полета на этом галеоне.

Под стеклом каждой камеры лежал человек. Тела скрывало плотное серое белье, больше похожее на ортопедические повязки. Сам Эму был одет так же до своего первого знакомства с душевой.



В первом ряду находились только мужские особи. Они были очень похожи друг на друга. Одинаковый рост. Правильные черты лица. Ни волос, ни бровей, ни ресниц. Казалось, их тела не были созданы для охоты или работы. Худые руки безжизненно тянулись от щуплых плеч вдоль тонких бедер. То же самое можно было сказать и о женских особях во втором ряду. Линии их тел не вызывали ни естественных фантазий, ни вообще каких-либо положительных эмоций. Плоские и страшненькие, со впалыми щеками и глазами.

– Ну что, вождь? – спросила Каська. – Нравится племя?

– Нет, – честно ответил Эму. – Одни кости.

– Ты их варить собрался?

– На вкус они, должно быть, еще противнее, чем ваша белковая похлебка.

– Не нравится – ходи голодный. Окончательно решил, сколько будить?

– Да. Пусть будут первые два ряда.

– А имена ты им придумал? Давай их сразу назовем!

– Что ж... Можно. – Он позволил старухе выволочь себя на пространство перед первым рядом и дал команду системе: – Присвоить имена особям с первого по пятую!

– Процедура запущена, – послушно ответил голос компьютера.

– Адон! Арго! Авель! Аксель! Амон! – произнес Эму, делая паузы, чтобы придумать, как назвать следующего человека.

На небольших экранах в изножье каждой камеры поочередно зажглись продиктованные имена.

– Нормально назвал! – подбодрила старуха. – А ты сомневался...

– Присвоить имена особям с шестой по десятую! Аурора! Афина! Анхел! Агнесс! Астра! – перейдя вслед за проворной бабкой во второй ряд, возвестил Эму. – Процедура завершена!

– Следует ли объединить указанных особей в условную группу? – спросила система.

- Зачем? – оглянулся он на Каську.
- Чтобы обращаться ко всем сразу, – шепнула она. – Группе тоже имя задай.
- Да, следует! Обозначим ее словом «Аргентум»!
- Следует ли приступить к активации группы «Аргентум»? – спросила железная девушка из динамиков.

Казалось бы, что может быть проще, чем просто дать утвердительный ответ? И что может быть сложнее? Здесь от простого слова «да» зависело нечто большее, чем собственная судьба или будущий брак. Целый народ начинал жить по короткому устному приказу одного человека. Вся история, вехи, периоды расцвета и упадка, цивилизация, прогресс, – все это имело конкретную точку отсчета.

- Ну? – снова оглянулся он на старушку.
- Давай! Давай! Давай! – свистящим шепотом загавкала та, больно толкая его в бок.
- Ответ утвердительный! Да, к активации группы «Аргентум» приступить!

Под толстым полом раздался гулкий шелчок. В общем монотонном гудении послышался звук угасающих оборотов каких-то моторов. Из узких щелей на корпусах камер с шипением вырвались белые струйки газа. Стекла, под которыми лежали люди, мгновенно покрылись ледяными узорами.

- Сейчас включится подача теплого воздуха, – азартно прошептала бабушка.

Целый хор двигателей завизжал так, словно кто-то включил сразу сотню пылесосов. Растопив лед на стеклах, шумная техника угомонилась. Прозрачные крышки камер тихо поднялись над лежащими внутри людьми. Повисла пауза. Не выдержав ожидания, Эму решил рассмотреть открытые аппараты поближе.

- Стой! – задержала его старушка. – Сейчас опустятся блоки активации.

Оба наблюдателя замерли и снова принялись ждать. Где-то на десятой минуте этой паузы инструктор уже собирался серьезно занервничать, но вдруг откуда-то сверху на мощных стрелах начали спускаться механизмы, из которых торчало немыслимое количество проводов и манипуляторов. Накрыв собой неподвижно покоящиеся тела, машины стали производить подключение. Послышались треск, жужжание, щелчки пневматики и пение гидравлики. Наконец все стихло.

- Фантастика! – с чувством прошептала Каська.
- Точно! – согласился Эму.
- Идем отсюда, – неожиданно схватила она его за майку и потащила к выходу.
- Как? Подождите! Я хотел посмотреть на начало второго этапа.
- Часа через два начнется. Они должны немного полежать на воздухе.

2. Каждому свое.

Какая-то неведомая мощная сила сотрясала стены «Ригеля». До нас эти жуткие удары по внешней обшивке доходили лишь в виде легкой вибрации полов и колонн. Как я уже говорил, это случалось дважды в сутки с интервалом в 13 часов, как по расписанию. После пары часов такого грохота притяжение становилось то полноценным, то очень низким.

Изображая гуляющую парочку, я и Марина вышагивали по верхнему ярусу.

– Номера здесь, должно быть, крошечные, как шкафы, – предположила она.

– Не знаю, – усомнился я. – Мой номер почти на самом верху, и я не сказал бы, что он такой уж тесный.

– Ты просто не был у меня. – В ее голосе прозвучало превосходство. – Мои апартаменты почти вдвое больше твоего чулана, а я живу всего лишь этажом ниже.

– Что же тогда на первом уровне, стесняюсь спросить? Частные поля для гольфа?

– Ну, может, и не для гольфа, но для тенниса персональный корт в паре номеров, скорее всего, и найдется. Должно быть, там семейные апартаменты, где каждое место стоит по миллиарду.

– Или для больших шумных компаний.

– Очень может быть. – Она воровато оглянулась. – Наверное, это неплохо – бросить все и закатить пожизненную вечеринку с лучшими друзьями, если они у тебя есть.

Нам пришлось посторониться, чтобы пропустить группу пузатых домохозяек в плюшевых спортивных костюмах. Переминая кому-то кости, они гоготали так, что мы были вынуждены прекратить разговор.

– Видал? – спросила меня Марина, указывая им вслед. – Люди без цели и без хорошего секса превращаются в скот. Если мы не сбежим, то станем такими же, как они.

Приближаясь к концу коридора, мы оба говорили все тише и тише.

– Можно нескромный вопрос? – непринужденно бросил я.

– Опять?

– Это у меня в крови. Если не хочешь, не отвечай.

– Ну, валяй.

– Почему ты здесь одна?

– Сбежала от мужа. Он при разводе хотел отсудить у меня половину моих клиник. Другую компанию некогда было искать. А ты?

– Позволял своим репортерам писать лишнее. У нас с государством и спецслужбами были разные взгляды на свободу слова.

– Это понятно, – хихикнула она. – А чего один-то?

– Хороший вопрос, – почесал я в затылке. – Как-то не сложилось. Надоели все.

Когда мы дошли до самого конца галереи, я перегнулся через перила, чтобы осмотреть простенок за углом. Высота была ужасающая. Гладкая вертикальная плоскость не имела ни единого выступа до самого нижнего уровня.

– Здесь ничего нет.

– Так я и знала, – вздохнула Марина.

– Но здесь должна быть хоть какая-то служебная лестница...

– Обязательно, – неожиданно произнес за нашими спинами спокойный мужской голос.

У нас у обоих душа ушла в пятки. Резко оглянувшись, мы увидели пожилого человека, того самого, который звал меня сыграть с ним на бильярде в первые часы после моего пробуждения.

– Какого черта?.. – промямлил я.

– Не подумайте, что я шел за вами, – попытался успокоить нас незнакомец.

– А что, по-вашему, нам следует думать? – нервно спросила Марина.

– Я здесь живу, – ответил сосед. – Выходил из своего скромного жилища и услышал ваш разговор. Знаю, что служебная лестница здесь есть, но она закрыта для гостей.

Он указал на самую крайнюю дверь в шаге от нас, на которой не было номера.

– Откуда вы это знаете? – спросил я.

– Видел, как сюда заходил пилот. Я спросил его, что это за дверь, а он сказал, что за ней лестница и туда без специального электронного ключа дороги нет. Выйти можно свободно, а войти не получится.

Мы с Мариной переглянулись, как незадачливые садовые воришки. Станный господин не стал дожидаться, пока мы заговорим с ним еще о чем-нибудь, а просто развернулся и неторопливо зашагал прочь.

– Ну что? – шепнула мне Марина.

– Теперь мы знаем, где лестница, но с дверью у нас ничего не выйдет.

– И о наших планах уже знают посторонние. Придется искать в других местах. Идем!

– Не спеши! – уперся я. – Не страшно, что нас рассекретили. Этот парень не из болтливых. А дверь мы откроем. Дай-ка я тебя подсажу!

– Чего еще придумал?

Я поманил ее за собой на узкий мостик, соединяющий наш коридор с балконом соседнего сектора. До верхнего края портика, нависавшего над нашей галереей, было никак не меньше четырех метров.

– Если тут есть служебная лестница, значит, она выходит на этот козырек.

– Почему ты так решил?

– Потому что до посадки козырьки нашего и противоположного секторов были соединены, а пространство над ними могло быть техническим коридором!

– Да, могло... – задумчиво ответила она.

– А значит, служебная лестница обязательно ведет туда. И сейчас ты можешь подняться, найти эту лестницу, а потом спуститься по ней и открыть мне дверь с той стороны, ясно?

Высота, непреодолимая для людей в привычных условиях, в тот момент не казалась серьезным препятствием. Конечно, мы с Мариной еще не полностью восстановили силы после длительного перелета, и в дневное время передвигаться нам было нелегко. Но с наступлением ночи притяжение становилось ничтожным, и мне не стоило большого труда взять ее за щиколотки и поднять на вытянутые руки.

Уже с Мариной на руках я вдруг понял, что столкнулся не с такой уж и простой задачей. От неожиданной мысли о том, куда полетит моя приятельница в случае, если я потеряю равновесие, перед глазами все поплыло. Нервозности добавлял очевидный факт: для достижения цели нашей акробатической композиции немного не хватало роста. Не придумав ничего лучше, я просто подбросил Марину своими дрожащими, теряющими силы руками куда-то вверх, готовясь снова поймать ее стройное тело в случае, если она не дотянется и станет падать на меня. Она не вскрикнула, не протестовала. Вообще не произнесла ни звука. Будто ее каждый день запускали в свободный полет над стометровой пропастью. Лишь через несколько долгих секунд после того, как мои руки потеряли с ней контакт, я понял, что она не упадет.

Ухватившись за край портика, юркая женщина подтянулась и исчезла в темноте над козырьком. Я же сполз на пол, обливаясь струями холодного пота.

* * *

Время тянулось долго. Ожидая, пока в зале гибернации что-то произойдет, Эму и Каська сидели в большой пустой и темной столовой. Раствор чая в его чашке давно остыл. Картинки с камер наблюдения на мониторе оставались неподвижными. Только голос компьютера докладывал о сменах режима.

Сначала отключилась система искусственного кровообращения и дыхания. Затем электроника начала считать их пульс. Каждый удар сердец и каждый вдох новых людей после долгих недель тишины и уединения казались настоящим чудом, поверить в которое все еще мешали неподвижные картинки на мониторах.

Все самое интересное случилось, как всегда, неожиданно. Компьютер показывал лицо, помеченное именем Агнесс. Внезапно существо на экране вздрогнуло всем своим тщедушным телом. Было видно, как на ее висках появились полоски света, выскользнувшие из вентиляционных щелей проекционных очков. Она нахмурила лоб.

– Вы видели?! – вскочил Эму с места, показывая пальцем на экран.

– Живые. Не протухли, – довольно вздохнула Каська.

Он еще долго скакал по столовой, победоносно вопя и улюлюкая, а затем, расцеловав бабуку, умял почти два кило еды. Должно быть, засыпая у себя в каюте, он представлял, как будет разговаривать со своими людьми и что будет им объяснять. Воображал, с какими выражениями лиц они станут его слушать и с какими вопросами начнут приставать. Рисовал в своем сознании картины того, как они вместе пойдут охотиться на разную дичь, возьмутся строить из бревен какие-нибудь необходимые в быту сооружения, как все вместе они рассядутся у огромного костра, болтая глупости и хохоча. Возможно, с этими мыслями он и уснул. Об этом в своих записях он не рассказал.

– Знаете что-нибудь о тех местах, куда мы летим? – спросил Эму за завтраком.

– Так, кое-что, – проглотив кусок белой губчатой штуковины, похожей на хлеб, ответила Каська. – В компьютере об этой планете немало информации. Когда-то ее обнаружили ученые и назвали Диско.

– Диско? Они так пошутили?

Внезапно старушка подняла свою вилку, зажатую в тощей руке, и, поматывая бритой головой, пропела:

– Ёр диско! Ёр диско! Ёр диско нидз ю!.. (Your Disco Needs You – Kylie Minogue)

В этот момент история инструктора Эму могла бы закончиться, едва начавшись. От неожиданности он подавился и возобновить беседу смог очень нескоро.

– Да, звучит довольно забавно, – продолжила Каська, закончив дубасить его по спине. – Фактически это спутник другой планеты, огромного Хеопса, а тот, в свою очередь, ходит вокруг светила, которое решили назвать Солнце, потому что оно очень похоже на центральную звезду системы, которую мы покинули.

– Вот как? – наконец откашлялся Эму.

– Во всяком случае, характеристики совпадают...

– А у Диска какие характеристики?

– Она чуть меньше Земли...

– Значит, и притяжение там меньше?

– Судя по тому, что и по массе она чуть уступает Земле, то да. Но не всегда.

– Как не всегда? Оно меняется?

– Да. Предположительно. Тут еще многое зависит от Хеопса. Когда Диска поворачивается к нему одним боком, на другой ее стороне притяжение даже немного больше земного.

Он попытался представить себе эту картину: отвернулись от толстого Хеопса – тяжело, повернулись к Хеопсу – очевидно, легко... Или нет?

– А что на той стороне, которая повернута к большой планете?

– Там притяжение очень низкое.

– Что значит очень низкое?

– Намного ниже, чем здесь. В несколько раз.

– И нас отправили жить на такую планету?!

– А что?

– Но она же непригодна для жизни!
– Раз отправили, значит пригодна.
– Насколько я помню, земной спутник Луна – этот несчастный белый маленький шарик – вызывает многометровые колебания мирового океана!..
– Нашел что вспомнить, – буркнула бабка.
– А тут притяжение будет увеличиваться и уменьшаться в несколько раз в течение дня! Каська с растущей неприязнью наблюдала, как он распаляется.
– Скажи-ка мне, ты раньше память потерял, а потом пришел в эту программу или наоборот?

– В смысле?
– Ты за работу взялся? Подготовку прошел? Вот теперь сам и думай, как тебе с этим быть! И на амнезию не сваливай! Не сработает!

Эму осекся и попытался как-то оправдать этот свой всплеск эмоций.

– Да, конечно, вы правы. Но вы представляете себе, как реагируют океаны и атмосфера Диска на многократные ежесуточные перепады притяжения? Должно быть, там такие штормовые ветры, которых не видел ни один человек!

– Значит, делай выводы и готовься, – сурово проскрипела старуха. – Нет, не представляю я, что там за условия! Зато я знаю, что гравитация этой планеты меня убьет, и даже примерно представляю, когда. Свое дело я сделала. Ко мне какие претензии? Чего ты разорался?

Студия для тренировок генофонда поражала своими размерами и лютым холодом. Пыли на полу и других горизонтальных поверхностях не наблюдалось – очевидно, потому что система вентиляции постоянно очищала воздух. Кассия сказала, что за всю свою жизнь входила сюда только дважды, и то в ранней молодости, а значит отопление здесь не включалось никогда.

Помещение было обшито чем-то мягким. В центре находился круглый подиум на четырех растопыренных косых опорах, отделанный тем же материалом. Кругом лежали выцветшие шары самых разных размеров, эластичные кольца, кубы и пирамиды. Эти снаряды были изготовлены из чего-то прочного, но при этом легкого и мягкого. На каждый из предметов можно было налететь с разбегу и не получить при этом даже ушиба.

Осторожно пройдя через весь зал, инструктор обернулся и увидел, что стену, в которой находилась входная дверь, почти полностью занимает экран, как в хорошем кинотеатре.

– Вот это да! – прошептал он, не веря своим глазам, и отдал команду компьютеру: – Включить монитор в студии! Планета Дisko! Вращение! Изменения климата!

Он прокричал это очень громко, так как думал, что система не услышит его в таком большом зале. На полноцветном мониторе появилась яркая картинка, изображавшая три космических тела. Маленькая бело-голубая Дisko быстро крутилась вокруг своей оси, плавно обходя по кругу красно-коричневый Хеопс, который, в отличие от нее, не слишком спешил поворачивать свои огромные бока.

– За один виток вокруг планеты Хеопс спутник Дisko совершает 612 целых и 165 тысячных оборота вокруг своей оси, – сообщила электронная девушка, успевшая стать для Эму почти родной. – Китайскими учеными, открывшими данную систему в 2024 году, было решено считать этот период одним годом. В ноль часов по Гринвичу 20 ноября 2025 года сектор на планете Дisko, оказавшийся на одной линии с центром планеты Хеопс, был принят за нулевой меридиан.

Компьютер выстроил на экране все три шара в ряд, прочертил через них прозрачную серую линию и полоснул по маленькой Дisko алой дугой. Получалось, что год на Дisko длится почти вдвое дольше земного, а сутки длиннее лишь на пару привычных нам часов. Недолго думая, Эму перевел бортовую систему на местное время. В тот момент на нулевом меридиане Дisko было 16 часов 50 минут 13 марта семьдесят третьего года.

* * *

– Есть! – прошипела она, высунув голову над массивным козырьком галереи.

Услышав ее сигнал, я бросился к двери без номера.

Изнутри вход на служебную лестницу открывался простым нажатием кнопки. Когда дверь отскочила в сторону, передо мной засияла довольная улыбка Марины.

– Ты гений! – Она похлопала меня по плечу, подняв облако пыли.

– Дай посмотреть! – Я отодвинул ее и выскочил на лестничную площадку.

В тусклом дежурном свете стены казались зелеными. Мы без лишних разговоров поднялись на длинный широкий козырек.

– А здесь еще грязнее, чем везде! – произнес я, оглянувшись.

– Когда-то это было техническим коридором, – ответила мне Марина. – В таких местах чисто не бывает.

Пахло горелой изоляцией и отработанной смазкой. Освещение из жилой части отеля сюда почти не проникало, а застревало мелкими пятнами где-то в потолочных конструкциях. Лишь у самого пола виднелся свет от плоских белых прямоугольников в стене, служивших скорее разметкой, чем светильниками. При каждом шаге толстый слой невесомой пыли разъезжался от ног, скатываясь валиками.

Другой конец козырька отсюда едва просматривался. Мы осторожно пошли по разметке, внимательно осматривая стены и сооружения под потолком.

– Не смей меня! – взобравшись на косую вентиляционную шахту, прокричала Марина. – Хочешь сказать, что ты ни разу не был женат?

– Формально – нет. Сожительствовавал неоднократно, как и все.

– А дети?

– Почему вы, женщины, всегда задаете одни и те же вопросы в одной и той же последовательности?

– А вы, мужчины, никогда сразу не отвечаете, а ломаетесь, как старые девственницы.

– Потому что нам иногда сложно сказать, есть у нас дети или нет, – попытался отшутиться я. – Наверное, где-то и есть. А у тебя?

– Были, – твердо произнесла она.

– О! Мне очень жаль.

– Ты не понял! – рассмеялась она. – Надо говорить «были», потому что если ты их с собой не взял, значит, они остались в другой эпохе. Без анабиоза столько не живут.

– Понятно, – вздохнул я. – Значит, и у тебя не было.

– Иначе я бы не улетела. В каком-то смысле нам с тобой повезло.

– Ну да. Всегда легче дать деру, когда тебе некого бросать.

– И в одиночку дешевле.

На этих словах козырек, по которому мы шли, закончился сплошными перилами. Дальше идти было некуда.

– Какая длина у этого навеса? – оглянулась Марина. – Полкилометра?

– Думаю, немного меньше. Просто мы шли медленно и препятствий было много.

– И ни одного выхода на крышу.

– Давай рассуждать, – переводя дыхание, предложил я. – Правый борт мы прошли. Тут выхода нет...

– Значит, на том борту тоже нет, – предположила Марина. – Конструкция симметрична.

– Не факт, но допустим. – Жестом я остановил ее и указал на переплетение ферм и балок под потолком. – Носовая плоскость прямо перед нами и отлично просматривается. Там все чисто и гладко.

– Остается проверить корму, – пришла к заключению Марина. – Идем!

– Мы же только что оттуда пришли! – возмутился я. – Тащиться обратно?

Разумеется, мы потащились. Весь путь со всеми препятствиями, только в обратном порядке. Пока я придерживал дверь на служебной лестнице, Марина пробежалась по верхнему жилому ярусу кормового сектора. Другой служебной лестницы там не оказалось, и она вернулась ко мне, после чего мы снова поднялись на козырек.

Теперь было решено более детально обследовать угол технического коридора, в котором мы и так провели уже больше часа. Я наудачу чиркал зажигалкой, пока та не раскалилась до того, что ее невозможно было держать голый рукой.

– Что это? – вдруг остановилась Марина.

– Ржавые железные перила, – ответил я.

– Почему они такие короткие?

– Откуда же мне знать? Давай спросим у Морана, он наверняка знает.

– Хватит! – с укором попросила напарница. – Мне тоже надоело здесь торчать.

– Извини. – Изобразив серьезность, я посмотрел на нее. – Продолжай.

– Порттик длинный, а перила короткие. Какая у них длина?

Едва скрывая раздражение и усталость, я измерил расстояние шагами.

– Допустим, метров семь.

– А отсюда до навеса над кормовым сектором? – терпеливо спросила Марина.

– Примерно столько же, – осенило меня. – Это складной мост!

– Значит, надо его разложить.

Раскладывать пришлось вручную. Поворотная площадка, под которой обнаружили хлипкие мостки, скрипела так громко, что Марина заткнула уши. Скоро свободный конец трясущегося, точно желе, сооружения плотно улегся на угол крыши кормового сектора, и получился на удивление надежный переход. Когда мы перебирались на другую сторону, моя соучастница указала вниз.

На балконах верхних ярусов стояли несколько человек и, раскрыв рот, глазели на нас.

– Чего надо? – крикнул я.

– Что вы там делаете? – заорал мне в ответ толстый очкарик.

– Прокладываю вам путь на свободу!

– А это законно? – присоединилась к нему его жена.

– А мне есть до этого дело? – зло рявкнул я на жалких людишек. – Идите домой и покорно ждите своей участи!

Тут из мрачного угла послышался голос Марины:

– Эй! Скорей сюда! Я вижу люк!

Догнав ее, я рассмотрел темный квадрат в потолке, к которому вели металлические скобы, торчавшие из толстой и высокой, как у автомобильной эстакады, опоры.

– Постой на стреме, а я посмотрю, – снова перейдя на шепот, предложил я.

И не успел я шагнуть к лестнице, как подруга неожиданно взяла меня за локоть и принялась заботливо поправлять на мне рубашку.

– Это ж надо! – задумчиво, почти нежно произнесла она.

– Что? – удивился я.

– Респектабельные, состоятельные люди, до седых волос вон некоторые дожили...

А лазаем по всякому дерьму, как бойскауты!

– Пионеры, земля! Пионеры! – поправил я и полез наверх.

Ступенек в этой лестнице оказалось как-то уж слишком много. Оглянувшись, я едва смог различить спутницу далеко-далеко внизу на узенькой площадке. По спине прокатился неприятный холодок.

– Ну, что там? – спросила Марина.

– Стандартный замок. Заперто.

Индикатор у ручки люка нагло смотрел на меня красным глазом, лишь разжигая чувство досады. Вцепившись дрожащими руками в скобу, я несколько раз хлопнул по кнопке доступа и... чуть не рухнул с гигантской высоты обратно на пыльный козырек, потому что из крошечного динамика на люке раздался голос Морана:

– Пожалуйста, прекратите нарушать установленный режим и вернитесь в свой номер, господин Комаров!

* * *

Среди коридоров, комнат и трюмов галеона можно было заблудиться. Но не потому, что их было слишком много. Самые широкие и многообещающие галереи и лестницы заканчивались тупиками, за самыми большими и красивыми дверями чаще всего, находились глухие стены, а грузовые отсеки, как мы знаем, вообще не имели входа. Но Эму помнил, что галеон, на котором он летел, был создан не только для полета. После посадки корабль должен был служить домом. Точнее, городом.

– И откуда же ты идешь с таким лицом? – спросила старушка, отхлебнув из чашки горячего чая.

– Изучал каюты для размещения генофонда. – Эму уселся за длинный стол напротив Каськи.

– Только не ври, что там беспорядок!

– Нет-нет! Там все отлично... Только я никак не могу принять одно очень важное решение.

– Какое?

– Не понимаю, как их размещать.

– Что же тут непонятного? – подняла брови Каська. – Загнал да запер. Как будут нужны, откроешь.

– Если бы все было так просто! – вздохнул Эму. – Сейчас очень важно выбрать оптимальный вариант, чтобы в будущем избежать серьезных проблем. Например, вы можете сказать, следует ли рассаживать женщин и мужчин в разные каюты?

– Конечно! А то они расплодятся и израсходуют все ресурсы.

– Резонно! – Он громко расхохотался. – Но, думаю, ваши опасения не подтвердятся.

– Тогда какие могут быть проблемы? – насупилась бабка.

– В том-то и дело, что любые. Стоит принять одно неверное решение – и последствия могут быть ужасающими. Не для этой сотни, а для их потомков, лет через двести. Ведь нормы, по которым будет жить все это общество, мы устанавливаем сейчас. Вы же сами говорили мне, что их головы – как пустой жбан.

– Ну... – кивнула Каська.

– Поэтому нормой мы можем сделать все что угодно. Абсолютно всё. В некоторых культурах на Земле, к примеру, всем женщинам положено закрывать лицо платком в присутствии мужчин.

– Бред какой!..

– Не бред, а общественный уклад. Один человек это внедрил, а общество приняло. Теперь женщины, воспитанные в этих традициях, сами не хотят открывать своего лица, потому что считают это неприличным.

– Как без штанов?

– Практически. – Эму энергично растер себе виски. – Разумеется, я рассматривал варианты и с жесткими патриархальными рамками.

– Какими?

– Это такие общественные нормы, при которых мужчина главный, а женщина – его верный спутник, защитник тыла и хранитель семейного очага.

– И что же с ней будет, если мужик пропадет? Мало ли сколько опасностей там вас ждет?

– Это лишь один из важнейших вопросов, – кивнул Эму. – Но главное – у нас другие задачи. Нам нужен немедленный демографический взрыв с максимальным разнообразием генетических комбинаций. И при этом каждый человек должен быть пригоден для решения любых задач – от бытовых до боевых.

– И что же зависит от того, рассадишь ты их по разным каютам или нет?

– Очень многое. С одной стороны, хорошо было бы не создавать людям ограничений в общении. Чтобы они привыкали друг к другу, учились делить одно общее пространство. Но такое тесное общение может стать одним из факторов, способных привести к снижению интереса людей к различиям между полами. А это не лучшим образом могло бы сказаться на демографии.

– К снижению? – удивилась старушка. – Это ж как надо покалечить людей, чтобы они размножаться перестали!

– Это гораздо легче чем вы думаете. – Эму сделался серьезным и выпрямился. – Но когда разница между полами подчеркивается слишком сильно, то неизбежно начинают возникать вопросы, кто из них лучше: те или другие. Хотя вопросов «кто лучше» избежать все равно не удастся.

– Почему? Они же все одинаковые!

– Люди очень любят разделяться на клубы и группировки. Если не по половому, так по любому другому признаку.

– Как это?

Когда речь заходила о природе людей, Каська всегда становилась очень благодарным слушателем. Фактически Эму был вторым человеком, с которым она разговаривала за всю свою жизнь.

– Люди так устроены, – принялся объяснять Эму. – Группа тех, кто сильнее, будет всегда противопоставлять себя тем, кто хитрее. То же самое – с черными и белыми, богатыми и бедными, либералами и монархистами, гомо и гетеро... А кто-то вообще решит, что он круче всех, потому что рыжий...

– Правда? – задумалась она. – А что заставит рыжего думать, что он круче всех?

– Неважно, чем он отличается. Но каждый из людей всегда будет стремиться быть хоть в чем-то лучше остальных. И в отсутствие объективных преимуществ обязательно придумает какую-нибудь ерунду вроде: «Крупные женщины созданы для работы, а маленькие – для любви».

– Это придумали маленькие женщины?! – загоготала Каська.

– Скорее всего, – улыбнулся в ответ Эму. – Но такие попытки одних людей искать или выдумывать качества, в которых они превосходят других, может вылиться в дискриминацию, порабощение или уничтожение одних другими.

– Значит, нужно насаждать равноправие, – кивнула Каська. – А то вовек не расхлебашь...

– Золотые слова! Будем насаждать, – ухмыльнулся инструктор. – Пусть они знают друг о друге всё. Чтобы им не приходилось преодолевать какие-то барьеры в общении между собой. Для женских особей в первом поколении работа и нагрузки наравне с мужскими должны стать естественными. Если женщины будут все делать так же, как и мужчины, то и численность представителей обоих полов будет примерно одинаковой: работать на равных, воевать и охотиться – тоже. По хозяйству – тем более. Ни тебе солдатских вдов, ни домохозяйек. А мужчины пусть привыкают, что никто не собирается им уступать в стремлении доминировать над партнершами. Они должны знать, что любая женщина может легко справиться с любой проблемой не хуже мужчины. А если его желание доминировать противоречит ее желанию, то за это недолго и по морде получить. Так женщины станут выбирать действительно лучших,

а не ждать, что кто-то выберет их. Тех, кто доминирует над соперниками, а не над ними. Это станет отправной точкой. А уж роли внутри пар пусть распределяют сами. Особенно когда появятся дети.

– Кажется, к тебе возвращается память... – пискнула старушка, когда подопечный закончил свои рассуждения.

Вид у нее был весьма подавленный, если не сказать напуганный.

– Что случилось? – встрепенулся Эму.

– Как же, должно быть, тяжело жить среди людей!..

Уединенные занятия в спортзале довольно скоро превратились из героических подвигов в рутину. Кухня для ручного приготовления пищи была изучена вдоль и поперек. Даже география Диско стала для Эму почти такой же знакомой, как большая выцветшая студия.

О флоре и фауне на той планете, куда нес его огромный галеон, можно было только гадать. Инструктор пересмотрел множество видеопособий о поведении разных типов земных животных, изучая логику хищников и их потенциальных жертв, зверей стайных и одиночных, мигрирующих и оседлых. А когда это ему надоело, он перешел к фильмам по анатомии и психологии человека.

Так продолжалось ровно до тех пор, пока долгожданный день завершения активации не настал. В то утро, глядя на себя в зеркало, Эму вдруг почувствовал, что жутко волнуется и принимать командование совершенно не готов. Он все время мыл руки, постоянно пил прогорклый растворимый кофе и бегал в туалет.

Бабушка же, наоборот, будто выключилась. Обосновавшись в капитанском кресле, она неподвижно уставилась в экран, на котором менялись лица особей из первой десятки.

Движения их мимических мышц были уже не рефлекторными, как во время электро-стимуляции, а вполне осмысленными. Люди проснулись, им поступила предпоследняя порция пищи через горловые зонды, и теперь они рассматривали то, что демонстрировалось им в очках.

Температура в зале транспортировки с момента начала активации не поднялась ни на градус. Открытые особи не замерзали только потому, что на них были направлены термоизлучатели, встроенные в бортики камер. На коже людей еще виднелись следы от электродов и датчиков, но сами провода уже втянулись в подвижные блоки активации, которые скоро должны были подняться в исходное положение.

Ежась от холода, Эму медленно двигался мимо камер, снова и снова разглядывая тех, с кем ему придется строить новый мир и воспитывать новый народ. До конца активации осталось меньше четверти часа, о чем свидетельствовала световая метка на полу в виде желтого креста. Она появилась в начале зала, и система издала неприятный звуковой сигнал, от которого Эму чуть не хватил удар.

Люди в камерах подняли свои головы и стали смотреть в сторону метки. Скорее всего, система показывала им в масках изображение зала и инструктора в этой самой точке. Сообразив, что туда надо встать, пока блоки активации не начали подниматься, Эму бегом направился к светящемуся на полу кресту.



Снова тренькнул звуковой сигнал, а через секунду наверху лязгнули мощные серво-приводы, складывающие конструкции, на которых крепилось оборудование для работы с людьми во время активации. Клубки проводов и манипуляторов поплыли вверх. Последние датчики и маски с наушниками поотскакивали с худеньких тел и повисли бесформенной мишурой, увлекаемые к потолку той же силой. После того как агрегаты были переведены в нерабочее положение и воцарилась жужжащая тишина, инструктора уже ничто не отделяло от активированных людей.

Нервно сцепив пальцы, он смотрел на них, а они смотрели на него и ждали. А он не знал с чего начать. К кому из них подойти сначала? Что сказать? Как они отреагируют на его прикосновение? Под грузом этих мыслей улыбка сползла с его лица. Тут он заметил, что их лица тоже становятся серьезными. Снова поспешив принять бодрый вид, он направился к центру первого ряда.

– Я Эму, – представился он. – Кто ты?

– Адон, – неуверенно протянул человек в камере.

Говорить ему было очень тяжело. Он был похож на бледную голубоглазую мумию. Из кожи на его голове начала пробиваться иссиня-черная щетина.

– Я освобожу тебя, а ты встанешь на пол, – заявил инструктор и уточнил. – Да?

– Да, – кивнул тот.

– А я? – нараспев пискнул из второго ряда чей-то голосок.

С непривычки Эму вздрогнул и принялся поспешно обдумывать свои дальнейшие действия. Эта реплика нарушала все его планы.

– Тихо! – произнес он и посмотрел в сторону женских особей, сдвинув брови. – Ты потом.

Рука инструктора прикоснулась к контрольной панели, и камера медленно клюнула изножьем в пол. Браслеты отскочили, освободив запястья и щиколотки существа. Тощее тело в майке, на которой было напечатано имя «Адон» выпало навстречу, и Эму едва успел его подхватить.

– Ох ты! – крикнул инструктор и поднял парня на руки.

Как тот ни старался держать голову ровно, она раскачивалась из стороны в сторону на тонкой шее, словно у птенца. Эму вынес тщедушное тельце на свободное пространство и усадил на пол.

– Да, ребята, – вздохнул он. – Работать нам с вами и работать.

Отвернувшись от Адона, он зашагал обратно к камерам. Теперь надо было освободить девушку, чтобы уже сейчас заложить в головы подопечных мысль о всеобщем равенстве. Но одна из них уже заработала себе штрафной балл, а он не успел заметить, кто это был.

– Я Эму, – представился он, глядя в немигающие карие глаза. – Скажи, кто ты?

– Аурора.

– А я?! – напомнил о себе тот же голос.

Теперь он успел ее засечь. Это была особь с маркировкой «Агнесс».

– Я говорю не с тобой, – ответил он и тихо добавил: – Тот, кто мне мешает, будет последним.

Та в ответ глубоко вздохнула, но язык прикусила.

Тем временем страшненькое существо по имени Аурора разволновалось и разругалось. Он схватил ее ладонь и забросил слабую руку себе на шею.

От них пахло как от новорожденных. Когда он выносил их из камер, заметил некоторые изменения в фигуре, произошедшие с начала активации. Они подросли, стали чуть шире в плечах. У женских особей начала оформляться грудь.

В самую последнюю очередь он отправился к Агнесс, на которую все это время демонстративно не смотрел. Ее голова с золотистой порослью одиноко торчала над камерой.

– Я Эму, – не торопясь отстегивать ее браслеты, представился он. – Кто ты?

– Агнесс, – ответила она.

– Ты поняла, почему ты последняя?

В ответ она отрицательно покачала головой. Он понизил голос, чтобы остальным было неслышно.

– Все молчали, ты говорила. Я тут главный, и я решаю, кто первый, кто последний. Ясно?

– Да, – кивнула она. – А все это кто?

* * *

– Вы думаете, что вы умнее всех?! – от самого порога заорал Моран.

– Ты чего сюда приперся? – жестко произнес я в ответ.

Марина сидела в кресле и смотрела в сторону, не желая принимать участия в перебранке. Мы оба были уверены, что старикашке очень не поздоровится, если она сорвется.

– Я пришел, чтобы сделать вам обоим замечание касательно вашего безответственного и безрассудного поведения!

– В гробу мы видали и тебя, и твои замечания! – Я указал ему на дверь, через которую он ворвался. – Исчезни!

– Вы знаете правила, господин Комаров! – не унимался дед.

– Да, и по правилам персоналу запрещено входить в номера без разрешения!

– Предупреждаю вас!.. – Он не договорил, потому что я схватил его за шиворот, чтобы выставить вон.

Тут произошло то, чего я меньше всего ожидал. Моран, который был почти вдвое легче и на голову ниже, взял меня за запястье одними пальцами и без видимых усилий отшвырнул мою руку так, что я едва устоял.

– Позвольте, я закончу, – сухо произнес он.

Мы с Мариной приумолкли от неожиданности.

– Я пилот этого корабля, а не ваш персонал, – сверкая глазами, отчеканил Моран. – С самого рождения и всю жизнь я вел галеон «Ригель» к месту назначения и поддерживал все его системы в рабочем состоянии. Как видите, полет завершен успешно. Сейчас моя задача состоит в том, чтобы все гости, и вы оба в том числе, остались в живых до прихода ответственных лиц из администрации колонии. Сейчас мы имели возможность убедиться в том, что вы не в состоянии обеспечить собственную безопасность. Поэтому я требую, чтобы вы оставили свои самовольные попытки покинуть корабль, иначе...

– Что иначе? – недобро процедила Марина, не вставая с кресла.

– Иначе я открою вам люк. – Старик сделал паузу и добавил: – А потом удалю ваши имена из списков гостей. И тогда ваши проблемы перестанут быть моими.

Издательским кивком пилот дал понять, что разговор окончен, и вышел из номера. Дверь за ним закрылась, и мы остались сидеть в моей гостиной, не решаясь заговорить. Определенно, прежде чем что-то обсуждать, нам следовало пережить и проглотить это поражение поодиночке. Пробурчав что-то неразборчивое, Марина ушла к себе, а я отправился на нижние уровни, где по ночам собирался народ.

Единственным местом в отеле, где разрешалось курить, был «Зеленый бар», но это мало что меняло. Никакими изделиями, содержащими табак или нечто похожее на него, никто не располагал. Или же обладатели каких-то запасов просто предпочитали о них молчать. Все, чем я мог там поживиться, это несколько видов газировки и сухарики, похожие на собачий корм, из бесплатных автоматов. Со стаканом и мисочкой этой отравы я просидел перед пустой пепельницей не меньше часа, глядя в маленький монитор над стойкой бара. На экране из последних сил выплясывала какая-то темнокожая старушонка, распевая старомодные песни.

– Умели же раньше петь! – произнес наш с Мариной недавний знакомый, подсаживаясь ко мне.

Это он напугал нас до смерти, когда мы шастали наверху. У одинокого любителя бильярда была настолько заурядная внешность, что составить его словесный портрет не представлялось возможным. Пожалуй, даже у пятен на бесхозной барной стойке было больше особых примет, чем у него. Вместо приветствия я равнодушно кивнул в сторону экрана и спросил:

– Кто это?

– Это старушка Ноулз.

– Ах да! – вспомнил я. – Бьёнсе Ноулз! Ее похоронили, когда меня и на свете не было.

– Верно, – кивнул мой собеседник так уверенно, будто точно знал дату моего рождения. – Вам удалось сделать то, что вы задумали?

– Не понимаю, о чем вы.

– Мы случайно столкнулись на верхнем ярусе, когда вы и ваша спутница искали служебную лестницу.

– Да, благодаря вам мы ее нашли.

– И?..

– Что «и»?

– И вы чем-то очень расстроены... – медленно проговорил он, разглядывая меня.

– Радоваться нечему. – Я снова отвернулся к монитору.

Станный господин помолчал немного, словно ожидая продолжения беседы, а затем вздохнул и встал с высокого стула.

– Что ж... Всегда обидно, когда цель близка, но в силу ряда обстоятельств достичь ее не получается. Это не означает, что надо останавливаться и опускать руки. Ведь обстоятельства – штука весьма изменчивая. И совершенно необязательно ждать, пока они изменятся сами. Желаю удачи!

Еще какое-то время я сидел в баре, наблюдая, как двое хамоватых пьянущих ирландцев пытаются попасть дротиками в мишень. Слова недавно удалившегося собеседника зацепились за мой разум, точно вирус, и теперь их невозможно было от себя прогнать. И двое забулдыг, играющих в дартс, будто сулили мне разгадку возникшей передо мной проблемы.

Так ничего и не высидев, я направился к себе. На пороге меня ждал сложенный вдвое лист бумаги, который кто-то подsunул под дверь моего номера. На нем спешным размашистым почерком было написано: «Помощь – 742».

* * *

У самой двери в десятиместной каюте генофонда располагалась просторная зона с длинным узким диваном, напротив которого находился большой монитор. С другой стороны было предусмотрено свободное место с высоким небьющимся зеркалом. Все в этой зоне имело

оранжевый цвет. Дальше начиналась зеленая спальная зона, разделенная на индивидуальные ячейки толстыми перегородками высотой в человеческий рост. Заканчивалась каюта входом в душевые (на пару мест каждая) и в два крошечных ватерклозета. Пространство перед входами в санузлы делилось на розовую и синюю половины.

– Здесь вы будете жить, – выдавил из себя изможденный Эму.

Весь первый десяток активированных людей ему пришлось на руках перетаскать в каюту из транспортного зала. Теперь они сидели на оранжевом ковровом покрытии и пристально смотрели на своего инструктора. Обстановка их не интересовала. Никаких попыток отвлечься или издать хоть один звук люди не предпринимали. После непродолжительной паузы на раздумья Эму махнул рукой и просто начал говорить:

– Группа «Аргентум»! Добро пожаловать в каюту, которая будет для вас домом на ближайший год. Скоро мы с вами научимся нормально ходить, питаться, взаимодействовать, организовывать свой быт. Со временем вы станете отличной, слаженной командой, сильными воинами и грамотными руководителями. Но прежде вы должны стать людьми – мужчинами и женщинами, научиться усердию и трудолюбию, дружбе, любви, взаимовыручке...

Бледные слабые существа сверлили Эму неподвижными взглядами в пугающей тишине и, казалось, не понимали ни слова из того, что он говорил.

– И не спрашивайте меня как, – продолжал наставник. – Потому что я этого и сам не знаю. Будем учиться вместе. С чего же мы начнем?

При нормальном освещении стало видно, что первым делом людей надо мыть и переодевать. Стимуляция мышц во время активации заставила их изрядно попотеть, и теперь вся их скромная одежда была украшена густыми соляными разводами.

– Мне нужен какой-нибудь антисептик! – Эму ворвался на основной пульт, где, по обыкновению, торчала старуха.

– Гляди-ка! – с любопытством воскликнула она. – У него кто-то уже убился.

– Нет, к счастью. Неглубокие пролежни на спинах.

– Понятно, – кивнула бабка. – Это ерунда.

– Так вы принесете?

– Ха! Он просит, чтобы я ему принесла. Вот еще! Будто бы других забот нету. Сам сгоняешь, быстрее будет. Медотсек уровнем выше.

– Я не хочу их надолго оставлять... – попытался возразить Эму.

– Ничего твоим дистрофикам не сделается. – Каська ткнула пальцем в монитор. – Вон, сидят как приклеенные и не шелохнутся.

Вернувшись в каюту, инструктор окинул взглядом сидевших там людей и отдал приказ:

– Адон, Авель, встать!

Опираясь на первые попавшиеся под руку предметы, оба человека поднялись. В случае Авеля это было лицо кого-то из женских особей.

– Следовать за мной. Остальным сидеть.

Эму повернулся и повел парней в сторону душевых, чтобы затолкать их в тесные кабинки прямо в одежде.

– Стоять на месте! Глаза закрыть! Душевая, вода сорок градусов!

Сквозь полупрозрачную дверцу учитель увидел, как теплые струи ударили по худеньким телам. Люди в душевых даже не пикнули. Отсчитав полминуты, инструктор отключил воду и открыл дверцы. Мокрые парни стояли, плотно сжав губы и зажмурив глаза.

– Спокойно! Не бойся! Смотри на меня! – произнес наставник.

Футболка Авеля не хотела отлипнуть от подсохших ран на его спине, и Эму принял решение оставить их под теплой водой еще ненадолго, а сам тем временем вернулся, чтобы позвать Аурору и Астру. Женщины реагировали на воду с таким же ужасом. Пришлось даже напомнить им, чтобы они дышали.

Раскисший трикотаж легко покинул тщедушные тела. Инструктор скомкал мокрую одежду и всучил ее обладателям.

– Ты снял белье, – сказал Эму сразу обоим парням. – Повернись направо, открой крышку, положи.

Снова закрыв всех четверых в душевых кабинах, он включил им трехминутную программу очистки и вернулся к остальным, чтобы начать работу со следующей парой.

Часом позже, когда Эму уже был готов вырубиться прямо на бегу, вся группа «Аргентум» оказалась вымытой, обработанной и переодетой в тренировочные костюмы черного цвета. Желая перевести дух, инструктор устало опустился на оранжевый диван.

– А чего это ты расселся? – прогрохотал по системе громкой связи голос Каськи. – У них по расписанию кормежка.

* * *

– Вот эта дверь, – указала Марина на номер «742».

Она все еще немного злилась на меня за то, что я не отнес ей обнаруженную на своем пороге записку сразу же, как только нашел ее. Ей, видите ли, не спалось из-за того, что она не знала, что нам делать дальше.

– Ты позвонишь или я?

– Какая разница? – буркнула она и нажала на кнопку звонка.

Какое-то время нас, как водится, разглядывали на экране домофона, а потом дверь открыл толстый очкарик, который накануне чуть не заработал себе шейный хондроз, глаза, как мы с Мариной перебираемся на козырек кормового сектора по раскладным мосткам.

– Привет! – улыбнулся он. – А мы давно вас ждем. Даже завтракать не пошли.

– А «мы» – это кто? – спросил я, заглядывая в номер поверх его плеча.

Кроме него, там было еще двое – дородная дама и сухощавый мужичок с аккуратно подстриженной козлиной бородкой и в очках, какие носят банкиры.

– Я Дэн Кенникот, – представился хозяин. – Это моя жена Биатрис и наш друг профессор Никсон.

– Что вам угодно? – сухо спросила Марина, когда мы вошли в гостиную номера 742 и за нами закрылась дверь.

– Вы смелые ребята, – подал голос Никсон. – Вы ищете выход наружу, и мы хотим вам помочь.

– Странно, – заметил я. – Еще вчера эти двое сильно сомневались в законности нашего выступления под куполом, после чего по очень странному совпадению прямо у выхода нас засек пилот.

– Клянусь, мы не сдавали вас! – воскликнул толстяк, и его лицо стало покрываться бордовыми пятнами.

– Это я сомневалась! – подняла руку хозяйка. – Но профессор Никсон развеял наши сомнения. Вы всё делаете правильно. Теперь мы готовы оказать вам любую посильную помощь! Мой муж, например, не последний человек в мире высоких технологий...

– И что же конкретно вы собираетесь нам предложить, – обратилась Марина к Кенникоту, – учитывая, что выход мы уже нашли?

– Я участвовал в разработке подобных систем безопасности. Могу открыть вам любую дверь с центрального пульта, пока пилот возится с полотером.

– И только? – усмехнулся я. – Моран сам обещал нас выпустить, если мы снова попытаемся сбежать.

– Так почему же вы не бежите? – поинтересовался Никсон.

Мы с Мариной переглянулись, соображая, что ему ответить, но он ответил за нас:

– Вы еще не готовы к побегу физически. Вам необходимы тренировки, оружие и надежно прикрытый тыл, не так ли?

– Вижу, вы догадливы, профессор, – процедил я. – Допустим, вы нас натренируете, вооружите и даже тыл нам прикроете. А чего вы хотите от нас взамен?

– Совершенно ничего, – подал голос Кенникот. – Нам нужно, чтобы нас освободили и дали нам то, за что мы платили деньги.

– Хорошую еду, прислугу, развлечения! – добавила Биатрис. – Это ж страшно подумать, сколько всего должно быть организовано в нашем отеле, а у нас нет ничего!

Я взгляделся в лица новых знакомых. Супруги совершенно искренне верили в то, чего они хотят, и готовы были пойти на многое ради этого. А вот профессор с первого взгляда производил впечатление человека, что называется, «с двойным дном». Нет, такой сам наружу не полезет и пальцем о палец не ударит без предоплаты. Размышляя о том, что ему от нас нужно на самом деле, я перестал вникать в кудахтанье его пухлых друзей. К реальности меня вернул звук дверного звонка.

– А этот славный парень поможет вам набрать физическую форму, – указал на дверь Никсон.

В нее осторожно протиснулся гигантский чернокожий громила, в котором я тут же узнал экс-чемпиона мира по боксу в супертяжелом весе. Его знали в лицо абсолютно все журналисты нашей исходной планеты.

– Привет! – пробасил вошедший. – Я не сильно опоздал?

– Ты как раз вовремя, Мартин! – ответил профессор.

Тут я понял, что именно их диалог я слышал, когда мы с Мариной шептались на балконе. Тогда этот самый Мартин безуспешно пытался склонить профессора к интимной близости. Вспомнив тот эпизод, я чуть не поперхнулся.

– Это вы? Очень рад знакомству! – мягко, почти с нежностью посмотрел на нас громила. – Я бы с удовольствием пошел с вами наружу, но здоровье уже не то.

– Похоже, во всем отеле мы с тобой самые здоровые, – бросил я Марине.

– Уж точно не на голову, – мрачно хмыкнула она в ответ.

– Мы с вами станем отличной командой! – лучезарно улыбнулся во весь свой огромный рот Мартин. – Скорее идемте, я покажу вам, где спортзал!

* * *

– Чего надо? – не оборачиваясь, спросила старуха.

– Я должен с вами серьезно поговорить, госпожа Кассия! – едва сдерживаясь, начал Эму. Свой пост у основного пульта она, казалось, не покидала уже очень давно. Вокруг нее стояло много немытой посуды и валялись почти все ее личные вещи.

– Ха! Он заявляет, что должен со мной поговорить! – словно обращаясь к невидимому собеседнику, указала она на вошедшего. – Ну, говори, раз пришел!

– Считаю, что вам не следует вмешиваться в мою работу с группой.

– А кто вмешивается-то?

– Ах, простите! Возможно, мне просто показалось, что кто-то орет по громкой связи, указывая, что мне делать!

– Это ты сейчас орешь! А я напомнила.

– Не напомнили, а отдали распоряжение!

– Ишь ты, цаца какая! – возмутилась бабка. – Не тем тоном ему сказали! Подсказывай тут ему, следи, чтоб не перепутал ничего, а он, видите ль, еще и бузит!

– Слушайте! Если вы подорвете мой авторитет...

– Что подорву?! Какое слово ты сейчас произнес?! Да пошел ты со своим авторитетом! Засунь себе свой авторитет сам знаешь куда!

Она кинула в него какой-то тряпкой и снова отвернулась к мониторам. Такое окончание разговора Эму не устраивало, но он не знал, что ей ответить.

– Спасибо, что пытаетесь мне помочь, – подумав, произнес он. – Но, пожалуйста, не пугайте их громкими звуками и следите за тоном!

– Уходи! – тихо прошипела бабка. – Надоел.

На дискуссию у него не было ни времени, ни сил. Он повернулся, чтобы уйти, но Каська заговорила снова:

– И что только этот идиот о себе возомнил! Бедный мальчик просто нервничает. Неблагодарная тварь! Просто пришло его время. А мое, значит, прошло?

– Хватит! – потребовал Эму громко и уверенно.

Старуха подскочила на месте и умолкла. Инструктор подошел к ней и, постукивая пальцем по рабочему столу, отчеканил:

– Прекратите разговаривать с собой, будто вы больной человек! Я пришел сказать вам, что очень уважаю ваше мнение и ценю ваше желание помочь. Но при всем моем уважении я не могу допустить, чтобы вы срывали мне воспитательный процесс. Правила изменились. Привыкайте.

Вернувшись в каюту, он обнаружил, что вся группа самостоятельно ходит по помещению и сбрасывает на пол все, до чего может дотянуться. К этому моменту он был готов быть волком от навалившихся на него обязанностей и утопить всю группу «Аргентум» в ведре, чтобы самому вернуться к тихой, безмятежной жизни.

– Ой, что это вы тут натворили? – голосом детсадовской няньки пропел инструктор.

Тощие уродцы замерли на месте и уставились на него во все глаза.

– Что ж, по крайней мере, вы стоите на ногах. А мудрая госпожа Кассия говорит, что, пока ты стоишь на ногах, ты можешь все. Уверен, что сейчас она на нас смотрит и радуется. Но разбрасывать вещи нельзя. Давайте-ка начнем все сначала!

Эму стал поднимать с пола разбросанные предметы и рассказывать о каждом из них. Личные ложки, чашки, миски, щетки и полотенца он раскладывал по местам и подробно втолковывал, в каком виде все это должно храниться и что можно делать со всем этим добром.

Далее он каждому назначил спальное место, продемонстрировал, в каких позах нужно спать и как укрываться одеялом. А затем перешел к повторению изученных слов.

– Вот кровать, – указал он. – Афина, скажи «кровать».

– Кровать, – пискнула та.

– Хорошо! А теперь скажем все вместе!..

Ответом ему была полная тишина. Они явно не понимали, что значит «все вместе».

– Группа «Аргентум»! Повторять за мной!

– Кровать!!! – хором гаркнули люди.

Система научила их не только воспринимать собственные имена, но и номинальную принадлежность к группе. У каждого было два собственных имени – одно уникальное и второе одно на всех. Но фактически никакой группы не существовало. Наблюдая за их поведением, Эму заметил, что они смотрят друг на друга как сквозь пустое место.

Вскоре он сообразил, что это являлось издержкой их обучающей программы. Если общение с инструктором в процессе активации компьютер имитировать мог, то способа достоверно смоделировать всю группу не существовало. Поэтому для каждого из них во всей Вселенной были только инструктор и он сам – индивид с двумя именами.

Размышляя о тренингах, которыми эта проблема могла быть решена, Эму уснул прямо на полу гостиной зоны. Скоро на своем мониторе Каська увидела, как весь выводок странных человечков облепил его со всех сторон, точно щенята, которые льнут к кормящей суке.

* * *

– Ты так и будешь за нами ходить? – спросил я у Мартина.

– Так и буду! – с легкой игривостью в голосе ответил громила.

Того, что он уже второй месяц доставал нас изнурительными тренировками, ему было мало. Он преследовал нас и в ресторане, желая проследить, чтобы мы непременно съели по двойной порции того странного белесого вещества, которое аппараты на раздаче наваливали в тарелки всем без каких-либо ограничений.

– Сколько можно пичкать нас этим дерьмом?! – возмутилась Марина, обессиленно падая на свое место за столиком.

– Здесь содержится много белка, кальция и витаминов, – терпеливо объяснил мучитель. – Они вам нужны, чтобы снабжать ваши мышцы.

– Но это невозможно есть! Фу! Выглядит как сопля, а на вкус как клейстер! Меня сейчас стошнит!

– А ты не сравнивай, и не стошнит.

– Ты играешь с огнем, Мартин! – пригрозил я. – Ты даже не представляешь, на что моя подруга способна, когда ее тошнит. Она даже может придушить тебя во сне.

– Было бы занятно, – осклабился громила и стал похож на открытый саквояж из темной воловьей кожи. – Но лучше ты сам ко мне приходи, когда я лягу в постель. Покажу тебе пару очень интересных приемов!

– А у меня другое предложение. Хочешь, я приду, когда ты ляжешь в постель, и ударю тебя гантелью? Будет отличный повод позвать к себе профессора Никсона.

Улыбка тут же сошла с его лица. Огромный кулак, сломавший на своем веку не один нос, подтолкнул миски с аморфным студнем поближе к нам.

– Ешь! – хмуро приказал Мартин. – А не то я начну тебе помогать!

Люди в огромном нижнем ресторане галдели, ходили и не обращали на нас никакого внимания. Кучка знаменитых в свое время пожилых киноактеров горланила в центре зала, предлагая всем желающим принять участие в «закрытом» чемпионате по боулингу.

– Хочешь сыграть? – предложила мне Марина.

– Только с ним, – указал я на нашего тренера. – Играем на эту отраву. Кто проиграет, тот и будет ее жрать. Как тебе такой вызов?

– Я не играю в боулинг, – ответил спортсмен.

– А в карты?

– И в карты, и в фантики. Я дал слово подготовить вас к побегу, и я это сделаю, нравится вам это или нет.

Черный громила был непреклонен. Зная, что он никуда не денется, я часто позволял себе издеваться над ним в отместку за те нечеловеческие нагрузки, которым он нас подвергал, пусть и для нашей же пользы.

– Веселенькое дело! – обратился я к своей подруге, будто Мартина с нами не было. – Жили взаперти – и все было тихо, а захотели сбежать – и тут помощников навалилось, будто мы их сидели и ждали!

– И не говори-ка! – откликнулась она. – Раскудахтались: «Ой, мы вам поможем!» А сами?! Гоняют нас, как новобранцев, глотать заставляют всякую мерзость!

– Да! – добавил я. – Идите, мол, голубчики, рискните жизнью, приведите нам кого-нибудь, а мы посидим и похихикаем над тем, как дядя Мартин кормит вас неизвестно чем.

– И мучает нас. Злой, противный Мартин!

– Изверг! Фашист!

– Садист!

– Цербер!

– Мы его не любим!

– Сам-то на стероидах качался!..

Тут наши миски с ложками подскочили на столе от мощного удара. Хлопнув по столу своей мускулистой ручищей, именитый спортсмен вскочил со стула. Все, кто находился рядом, притихли, соображая, что за разборка происходит между нами. В глазах Мартина искрились ярость и бессилие.

– Вы!.. – указал он на нас дрожащим пальцем. – Вы мерзкие твари!

– Ой, он что обиделся? – картинно воскликнула Марина. – Эй, мы пошутили!

– Ну брось! Этот костюм совсем тебя не полнит! – произнес я громко, чтобы слышали все, после чего Мартин галопом помчался прочь. – И губы у тебя не перекачанные!..

Последние слова пронеслись над замершей толпой. Собравшиеся обернулись на меня с осуждением, будто на их глазах расист и гомофоб обидел уважаемого человека. Как всегда в подобных случаях, Марина втянула голову в плечи, предоставляя мне право объявить публичке антракт.

– Что? – развел я руками. – У парня прохудился надувной слон для интимных игр! Он теперь на любую мелочь так реагирует!

Празднуя нашу маленькую победу над экс-чемпионом мира, мы слегка перебрали. Внезапно на нас свалилась полная свобода, от которой мы успели отвыкнуть. На тренировки нас больше никто не тащил, и за нашим режимом следить было некому. Мы болтали, пили и смеялись, лежа на моей большой кровати, точно школьники, у которых родители свалили на все выходные. Что-то подсказывало мне, что это последний день, который мы проведем в безопасности и комфорте.

– Тебе не кажется, что больше тянуть не имеет смысла? – спросил я.

– Считаешь, нам пора переспать? – Она пододвинулась вплотную к моему носу.

– Вообще-то, я сейчас думал о том, что пора делать ноги, но...

– Возможно. Мы сидим здесь уже третий месяц. Я начинаю сходить с ума. Так больше продолжаться не может.

– По-твоему, мы готовы выйти?

– Я готова на все. А ты?

– А вдруг там вообще никого нет? – неожиданно предположил я.

– Как это?

– Вдруг за нами никто не приходит, потому что там все погибли? Ну, от голода или болезни...

– Тогда что же будет с нами?

– Ничего не будет. Посидим тут пару лет, пока не съедим все запасы дерьма, потом друга друга пожирать начнем.

– Нет! Фу! Какие ужасы ты рассказываешь!

– Будем надеяться, что я ошибаюсь.

– Тогда тем более нет смысла ждать. Я хочу на свободу. Я здесь не затем, чтобы заживо сгнить в этом чертовом отеле. Хочу мяса на костре. На небо посмотреть, воздухом подышать, под дождем помокнуть. Пусть это будет последнее, что я увижу.

– В таком случае завтра надо идти к толстяку Дэну, чтобы он открыл нам выход к назначенному времени. Когда снаружи начнет грохотать, соберем вещи, а когда утихнет, валим отсюда.

– И, может быть, мы уже не вернемся?

– Может быть.

После такого диалога между нетрезвыми мужчиной и женщиной, лежащими вдвоем на большой кровати, обычно следует поцелуй, который становится началом как минимум одной занятой ночи. Но в этот раз меня ждало исключение из этого правила.

– Ты чего? – окликнул я Марину, когда та вскочила с кровати.

– Мне надо идти!

- Что случилось?
- Ничего.
- Тогда позволь поинтересоваться, далеко ли ты собралась?
- Слушай, ты же сам сказал, что это наш последний вечер в отеле и завтра мы можем погибнуть!
- Ну...
- Думаешь, в этот вечер мне обязательно надо остаться с тобой, а не с кем-то помоложе, поздоровее и потрезвее, чем ты? У меня другое мнение.
- Эй! А как же я?!
- Мы партнеры. Я еще успею тебе надоесть. Советую тебе тоже найти кого-нибудь и приятно провести вечер! Удачи!

* * *

Пешком и ползком, уговорами и пинками Эму наконец-то удалось дотащить свою группу до столовой. Он уже собирался рассаживать своих подопечных по местам, как вдруг заметил на одном из длинных титановых столов большой таз. Его содержимое источало аромат, учуяв который Эму вспомнил, что такое закусочная быстрого питания. Там находилась целая груда твердых брикетов из белка и клетчатки. Теплые солоноватые ломтики, рассчитанные на один укус, можно было поесть без риска, как выражалась бабка, «уделаться».

Он оглянулся, ища глазами щели, где могли располагаться камеры слежения. Старуху надо было как-то отблагодарить за помощь. Указывая своим головастикам на места вокруг стола, он принялся рассказывать им то, что никогда не собирался говорить.

– Трапеза, пища, хлеб насущный. Это привилегия и награда. Это благодать и воздаяние за усердный труд на благо общества. И прежде чем принять эту награду, мы поблагодарим славную Кассию за эту благословенную пищу на нашем столе в нашем общем доме.

Группа «Аргентум» молча запоминала этот текст, а потом по его команде хором произнесла не имеющее для них никакого смысла слово «аминь». Уже без всякой помощи и подсказок с его стороны они накинулись на угощение. От обычных людей в тот момент их отличало только то, что они не разговаривали.

– Я часто слышала эти слова в детстве, – протрещал по громкой связи голос старушки.

– Так говорила Анна, – ответил Эму. – Мы оба воспитывались в католических семьях. Это не шутка. Я вспомнил.

– Смотри, у тебя один совсем не ест.

– Сейчас проконтролируем! – Он подбежал к темноволосой девушке и подставил ей ладонь под подбородок. – Это не он, а она. У нее сил не хватает. А ну глотай! Давай-давай!

Еду, которая вывалилась у нее изо рта, он зачихал обратно и протолкнул поглубже пальцем.

– Из тебя вышла бы хорошая мать, – усмехнулся бабкин голос.

– Постараюсь им ее заменить. Это Астра, самая слабенькая. Если не кормить, то она погибнет.

– Ее жидким корми! Я там на всякий случай шоколаду полведра набодяжила.

– Спасибо! Без вас я бы не справился. А я могу где-то питьевой воды раздобыть, чтобы в каюту принести?

– Из рукомойника пейте. Она тут вся питьевая.

Обратный путь до каюты группа протопала организованным строем. Люди быстро запоминали любой новый порядок действий и с первого раза схватывали все, что бы он ни произнес. В тот же день Эму перестал сопровождать их в туалет и уже не носился за ними, проверяя, ставят ли они различные предметы быта на свои места.

Вымуштровав группу на команды «отбой», «подъем», «собратиться на занятие» и «разойтись по местам», Эму перешел к тренингу по взаимодействию.

– Афина! Это Арго, он из группы «Аргентум», как и ты. Подойди к нему и скажи, как тебя зовут и из какой ты группы.

Тощая девушка доковыляла до Арго, и они оба снова впелись глазами в инструктора.

– Ты говоришь с ним. Посмотри на него!

В ответ на этот приказ Афина развернулась к парню и уставилась ему прямо в ухо. Пришлось всех заставлять смотреть друг другу в глаза и поочередно произносить то, что от них требовалось.

Он начал упражнение очень настойчиво, и через час комната наполнилась гулом голосов. Задача постепенно усложнялась. Он предложил им представлять друг друга тому, с кем они уже «познакомились».

После отбоя Эму повалился на оранжевый диван в гостиной зоне, едва сдерживаясь, чтобы не застонать в голос от усталости. Приходилось думать сразу за всех. В этой компании незамеченным не могло остаться ни одно действие инструктора, пусть даже случайное.

Имело значение и то, что Астра уже два дня питалась с его рук, и то, что все упражнения всегда поручалось начинать Афине, и то, что Эму постоянно посмеивался над Авелем из-за того, что тот очень рассеян и часто допускал ошибки. Агнесс – та, что проштрафилась в первую же после активации минуту – теперь вела себя как мебель, опасаясь новых наказаний. А тот, кого инструктор первым вынул из анабиотической камеры – мужская особь по имени Адон, – уже мысленно нарисовал себе на лбу «номер один», и в его взгляде нет-нет да и просматривалась легкая надменность.

Точно сложные шахматные комбинации, в голове Эму громоздились сотни и сотни вариантов развития их поведенческих сценариев. Но уснуть ему мешали не столько эти мысли, сколько внезапное и очень странное чувство. Фактически существа, посапывающие за перегородкой, обычными людьми не являлись, хоть и имели с ними общую ДНК. С их скоростью развития, при полном отсутствии генетической памяти и примеров общественной морали в самом ближайшем будущем они могли превратиться в стаю кровожадных монстров, сделай инструктор по недоразумению что-то не то.

Подумав об этом, Эму вскочил, осторожно выбежал из каюты и запер снаружи дверь. Успокоиться у него получилось только после того, как он оказался у себя и вывел на монитор картинку с камеры слежения. Группа «Аргентум» мирно спала.

* * *

– Привет, Кэнникот! – произнес я, когда заспанный толстяк открыл мне дверь.

– Который час? – промямлил он.

– Время перемен. Полагаю, войти ты мне не предложишь, поэтому сам выходи. Пошепчемся.

Не прошло и минуты, как сонный соучастник выскочил в галерею, поспешно кутаясь в махровый халат.

– Что случилось?

– Сегодня мы уходим.

– Это из-за вашего конфликта с Мартином?

– А он еще и ябеда. Что ж, давайте считать это конфликтом. Так звучит круче.

– Наверное, вам действительно пора, – пожал плечами толстяк. – Он на вас очень обиделся и заниматься с вами больше не будет.

– Вот таким nepocтижимым образом воплощение твоих идей ставится в зависимость от настроения всяких обиженных...

Я вздохнул и развел руками, давая понять, что больше не собираюсь с ним говорить ни о чем, кроме тех элементарных действий, которые Кенникот должен был для нас произвести.

– Каков план? – спросил толстяк, будто уловив мой сигнал.

– Мы собираемся и ждем в моем номере до момента понижения гравитации. Ты занимаешь позицию у служебного сектора. Когда Моран уедет оттуда на своем полотере, ты проникнешь внутрь и звонишь мне по телефону.

– И вы вдвоем покидаете свой номер и движетесь к центральному portalу.

– Да, – кивнул я. – Как только камера покажет, что мы у ворот, можешь открывать.

– Вы выходите, я закрываю за вами портал и линию оттуда.

– Думаю, с твоим весом тебе лучше не бегать. Да и если даже ты попадешься, что такого страшного с тобой сделают?

– Что? – нахмурился Кэнникот.

– Самое большее – старик отшлепает тряпкой. Разве это наказание?

– Да?..

Мои слова заставили толстяка глубоко задуматься. Пока он, взвешивая риски, не пошел на попятную, я поспешил удалиться, заверив его в том, что он поступает как герой.

Не встретив свою поделницу до обеда, я засомневался, что ее ночные приключения не закончились чем-то непоправимым. Хотя в глубине души я этого и желал, но путешествовать по чужой планете в одиночестве мне не хотелось гораздо сильнее, чем видеть ее довольную физиономию. Дотянув до того времени, когда за бортом начался ежедневный грохот, я пошел к ней в номер.

– Это ты? – едва приоткрыв дверь, спросила она. – Заходи!

– Уже сожалеешь, что не осталась у меня? – саркастически захихикал я, оглядывая ее с ног до головы.

Посмотреть там было на что. Марина выглядела так, будто ее топтал весь скотный двор от скотников до самого последнего козла. И указывали на это даже не свежие синяки и засосы на руках и ногах. Все было написано на лице.

– Лучше молчи! – сходу потребовала она, пропуская меня внутрь.

– Да ладно! – захохотал я. – Очень счастлив за тебя. Ты нашла что искала.

Тут моя напарница вспомнила, что ходит по номеру в одних трусах, и бросилась натягивать джинсы.

– Хорошо, да! Ты прав, – прокряхтела Марина, просовывая ноги в штанины. – Я напоролась на одного озабоченного придурка, который сожрал какую-то таблетку и едва не переломал мне все кости! Доволен?

– По крайней мере, тебе было хуже, чем мне. – Удовлетворенно опустившись в кресло, я поставил перед собой два одноразовых термостакана. – Выпей кофе, дорогая!

– Спасибо! Мне правда это сейчас очень нужно.

Марина в растерянности стояла посреди своей гостиной, где в беспорядке валялись ее вещи. Чувствовалось, что собираться она только начала.

– Не торопись! – посмеивался я. – У нас еще целый час в запасе.

– Подсказал бы лучше, что мне с собой брать!

– Во-первых, рюкзак. У тебя есть рюкзак или только чемоданы на колесиках?

– Очень смешно!

– Свитер надень на себя, побереги место.

– За бортом плюс двадцать.

– Будет жарко – повяжешь на бедра, – настаивал я. – Оружие есть?

– Какое оружие? – не поняла она.

– Пистолет, нож, лопата... Хотя что-нибудь колюще-режущее. Кто же отправляется в рай без оружия?

– Маникюрный набор?..

– Ты сейчас шутишь или от рождения такая? А что, бери свой маникюрный набор. Встретим зверя – когти ему подстрижем. Возможно, он даже умрет от удовольствия, как некоторые из нас этой ночью...

Она молча смотрела на меня несколько секунд, а потом швырнула мне в лицо какими-то разноцветными носками и примирительно расхохоталась.

– Отвяжись! Это полезная вещь. Я его возьму.

– Кружку возьми, ложки, дезодорант, все самое необходимое из личной гигиены...

– Крем от солнца? Сигареты?

– У тебя есть сигареты?

– А ты думал, ты тут один такой контрабандист? – Она помахала над головой двумя блоками тонких дамских сигарет с ментолом.

– Ты два месяца отлично знала, что я готов на все ради пачки сигарет, и скрывала от меня свою заначку?!

– Я против курения в помещениях, – бросила Марина, не обращая внимания на то, как я задыхаюсь от гнева. – Так... Огонь у тебя. Бензин ты, конечно, взял.

– Конечно, взял! – огрызнулся я. – Отличный у тебя табак, ничего не скажешь. Выглядит почти так же внушительно, как и твой арсенал.

– Ну а твои игрушки, разумеется, при тебе.

Я вынул из ножен толстый вороненый нож, а из кобуры достал тяжелый мощный револьвер, сверкающий зеркальной полировкой. Вещь хоть и считалась антикварной, но по надежности и долговечности не уступала наковальне.

– Каждый раз стыдно за тебя, когда ты обнажаешь этот безобразный агрегат, – округлила глаза Марина.

– Да-да. В каждом дешевом боевике говорят, что у тех, кто предпочитает большие автомобили и большие пистолеты, всегда имеются большие комплексы. Посмотрим, как ты заговоришь, когда на нас нападет какой-нибудь хищник.

– Заметь, о комплексах не я начала.

– Ты слишком выразительно об этом подумала.

– Ты сам об этом подумал. Возможно, еще в оружейном магазине, когда покупал эту гаубицу, и тебе казалось, будто окружающие смотрят на тебя как на ненормального. Должно быть, ты из тех парней, что на каждом шагу ждут насмешек.

– Разумеется! На насмешках я вырос как личность. Только теперь я – личность с большим револьвером и солидным запасом хорошей выпивки... Жахнем на дорожку?

– Эх! – улыбнулась мне Марина. – Как же я соскучилась по русским!

– За одну-то ночь? Ха-ха-ха!..

* * *

У нее были черные глаза. Неестественно черные, как уголь. Эта черта самой слабой особи из первой десятки не могла не привлекать внимания с первого же взгляда. Две дыры в пустоту над торчащими анорексичными скулами и едва покрытая щетиной зона роста волос настолько отдаляли Астру от идеала женской красоты, насколько хватало фантазии.

Снова и снова Эму приходилось кормить ее с рук. Процесс этот не предполагал никакой обходительности со стороны инструктора, как если бы это была стрижка овец или измерение птиц. Теперь эта особь отказывалась не только самостоятельно питаться, но и засыпать после отбоя. Как-то раз она просто встала со своего места и вышла в гостиную зону. Эму заметил это на экране своего монитора и пошел в каюту группы «Аргентум», чтобы разобраться. С этого момента Астра засыпала только в его присутствии, и ему снова пришлось перебраться на жесткий оранжевый диван.

С остальными проблем не было. Ученики прибавляли в весе ровно и уже начали обрабатывать прическами разного цвета. Здесь на общем фоне сильно выделялась девушка по имени Анхел, у которой из черепа полезли густые белые волосы с серебристым оттенком. В светлокариых глазах блондинки Эму заметил что-то странное. Сначала он решил, что ему показалось, но через день-другой понял, что неуловимая черта девушки занимает слишком много места в его мыслях. В один прекрасный момент он просто поймал ее за голову обеими руками, чтобы рассмотреть поближе. Радужная оболочка ее глаз была ровной, без единого пятнышка, как бутылочное стекло. Точно такими же фабричными стекляшками оказались глаза всех особей в группе.

– Что за муть ты им показываешь? – Укрыв пледом ноги, старая Каська сидела в кресле и шумно прихлебывала какой-то горячий напиток.

В ее стальной кружке сверкали блики от тусклого освещения и мониторов. Плед, должно быть, когда-то был красным в черную клетку, но теперь от времени почти полностью потерял цвет. Это зрелище очень успокаивало Эму. Казалось, что перед ним обычная земная старушка, а не пилот мощного космического галеона и вся эта история с полетом на другую планету ему просто померещилась.

– Это не муть, а обучающее видео для младшего возраста, – объяснил он.

– Хорошо, что я в младшем возрасте такого не видела. Давно бы уж с катушек съехала.

– Вы, возможно, и съехали бы. А они сидят и вместе вырабатывают реакцию на предложенное действие. Это полезно.

– Полезно? Сидит мужик в сером ящике. К нему подходит другой. «Здравствуй! – говорит. – Это твой дом?» Тот ему отвечает: «Да, это мой дом. Заходи в гости». И так сорок раз подряд с небольшими вариациями на ту же тему!

– Я вижу, вы в курсе событий, – елеино промурлыкал Эму. – Увлекает?

– А куда деваться-то? – Бабка с хлюпаньем сделала глоток из своей чашки. – Кроме как на вас, смотреть больше не на что. А от этой дребедени прямо-таки чувствую, как мозги засоряются. Потом снится всякая гадость.

– Не могу вас от этого избавить. Им надо учиться правильно себя вести. Вот, к примеру, вчера прошли разделы «Рад знакомству!» и «Позвольте вам помочь!». Куда же мы без этого?

– Ой, не знаю! Показал бы мультик им какой-нибудь, что ли...

– Чтобы они думали, будто упавший на голову рояль их не убьет, а только ненадолго сплющит? Начинать нужно с элементарного. До человеческих произведений дойдем позже. На этих примерах целая методика построена, так что потерпите.

– Ну, как знаешь. Мне потом с ними не жить.

Когда Эму впервые привел группу в студию, люди вели себя осторожно. Чтобы не перегружать их словами, он просто ходил по всему помещению, брал в руки первые попавшиеся предметы и совершал с ними какие-то действия. Воспитанники молча бродили за ним и смотрели. Инструктор надевал на себя мягкие кольца и снимал их через ноги, швырял через весь зал удобные для метания штуки, ставил друг на друга огромные кубы, а потом опрокидывал их, пролезал через круглые трубы. Затем, ни слова не говоря, Эму вышел и запер за собой дверь.

– Что там происходит? – выпалил он, прибежав к старухе на центральный пульт.

– Обезьянничают, – коротко ответила Каська.

– В каком смысле?

– Они берут те же предметы и возятся с ними точно так же и точно в такой же последовательности, что и ты. Очередь, как я понимаю, идет в том порядке, в котором ты доставал их из камер.

– Шутите! И никто не нарушил последовательность?

– Нет. Однозначно. Вон, по третьему кругу сейчас пойдут!

– Я же там полчаса копался!

– Точно, как в записи, – покачала головой старуха. – Смотри! Желтая девочка даже встала на то же самое место, чтобы бросить шар.

– Ее зовут Агнесс.

– Да плевать мне, как ее зовут! – буркнула бабка. – Все на одно лицо, не разберешь.

Незаметно учебный процесс набрал небывалую для обычных людей скорость. Инструктор только и успевал удивляться, глядя, как группа «Аргентум» ежеминутно выдает ему что-нибудь новенькое. Конечно, не все из этого вызывало радость. Уже на четвертый день занятий в студии ему пришлось решать очень непростую с точки зрения педагогической работы задачу.

– Арго отобрал у меня кольцо и не отдает, – ровным голосом сообщила Астри.

Эта девушка начала догонять остальных по весу. Теперь ее голову украшала шапочка черных волос. Таких же угольно-черных, как и ее глаза.

– Возьми другое, ябеда, – посоветовал инструктор.

– Мне надо то, розовое, – без всяких эмоций настаивала ученица.

Инструктор осторожно оглянулся по сторонам, соображая, как ему следует поступить.

– Кто первый взял кольцо?

– Я.

– Это правда?

– Всегда только правда, – четко произнесла Астри. – Первой это кольцо взяла я.

Эму кивнул и обернулся, чтобы позвать парня.

Светловолосый Арго отделился от задумчиво копошащейся группы и подошел к инструктору.

– Кто первый взял это кольцо?

– Она, – спокойно пробасил худощавый блондин.

– Ты отнял эту вещь у Астры и не хочешь отдавать?

– Не хочу.

– Благодарю за ответ. Можешь идти.

Эму взял минуту на размышление, а затем нагнулся к самому уху Астры и прошептал:

– Возьми палку, подойди к нему и еще раз попроси вернуть тебе кольцо. Если отдаст, скажи «спасибо», а если откажется, сильно ударь его в нос... Вот сюда. Поняла? Выполняй.

Хрупкая девушка неторопливой походкой направилась к стенке, где висели легкие полиэтиленовые шесты, с трудом вынула из плотного паза короткую гимнастическую палку и направилась к обидчику, который возился с ее розовым кольцом. Что Астри ему сказала и что Арго ей ответил, наставник не расслышал. Видно было только, как девушка неуклюже размахнулась из-за левого плеча, после чего снаряд со свистом ударил парня точно в центр лица. Все при- тихли.

– Ну и зачем ты так сделал? – поинтересовалась Кассия, когда Эму снова пришел ее навестить.

– Он признал, что Астри первая взяла эту штуку.

– Не мог просто отобрать у него и отдать девчонке?

– Тогда получилось бы, что его наказал я за то, что он сказал правду. Понимаете? А так выходит по справедливости: ему причинили боль за то, что он отнял вещь, на которую не имел права. И, в конце концов, пусть сами разбираются, а не жалуется друг на друга.

– А это не перебор? – усмехнулась бабка. – Из-за какого-то паршивого кольца человеку дубиной по моське.

– Это вопрос принципиальный. А что до его моськи – у нее сил-то нет, чтоб ему нос разбить!

– А что будет, когда появятся силы-то? А когда ты им оружие раздашь? Поубивают друг друга?

– Ничего не будет. Сейчас каждый должен уяснить для себя право на собственность и на самооборону. Возьмешь без разрешения чужое – получишь по полной программе. Кто-то взял твое – программа действий известна. Когда это станет нормой, появится и взаимное уважение.

– Нормой станет самому взять палку, прежде чем захочешь у кого-то что-нибудь отобрать. И уважение у них появится к тому, кто сильнее или лучше вооружен.

– Позвольте с вами не согласиться! В обществе сильнее не тот, у кого мускулы крепче, а тот, на чьей стороне законы, по которым это общество живет.

– А как твое общество с его законами поймет, кому на самом деле эта штука принадлежит?

– Извините! – поднял палец Эму. – В нашем случае все честно по определению, и сначала Астра потребовала вернуть то, что он у нее отнял. Если бы Арго это сделал, ничего бы не произошло. Не надо валить все проблемы в одну кучу!

* * *

По уговору с Кенникотом сигнал о его готовности должен был поступить в мой номер, а разбираться с последствиями ночных приключений моей напарницы никто не планировал. Собрать Марину и вернуться ко мне мы едва успели. Когда я открыл дверь, телефон на тумбочке уже разрывался.

– Комаров, в чем дело?! – заорал из трубки Кенникот. – Думаешь, я тут вечно буду вас дожидаться?

– Всё, замолкни! – ответил я. – Будем через пять минут. Только не надейся там от страха, а то Моран сразу учует, кто к нему заходил.

Схватив свой рюкзак в одну руку, а Марину в другую, я выскочил в галерею. Мы оба хорошо знали, что нам надо делать, и со всех ног бросились к боковой лестнице, которая спускалась до второго уровня, откуда можно было попасть на парадный эскалатор и спуститься в рекреацию. Этот путь мы проделывали бегом на время ежедневно по нескольку раз и были уверены, что окажемся у портала точно в нужную минуту.

Где-то жужжал полотер. Это означало, что старик занят и вряд ли успеет нам помешать. Но надеяться на скорый финиш не пришлось, так как весь второй уровень был забит зеваками. Соседи откуда-то прознали о готовящемся побеге и заняли лучшие места, чтобы посмотреть на это зрелище.

От вида толпы, преградившей нам путь, я занервничал. Марина бежала впереди, и мне было отлично видно, как ее хрупкая фигурка ткнулась сначала в один толстый зад, потом во второй. Секунды шли, а мы почти остановились.

– Разойдись! – завопил я.

Толпа начала шуметь и толкаться. Отодвинув Марину, я стал распихивать тех, кто стоял у нас на пути, с каждым шагом все яснее понимая, что это бесполезно. Тут меня кто-то дернул за рукав. Люди, столпившиеся у балюстрады, перекрикивая друг друга, начали расступаться, открывая нам путь к перилам. Недолго думая, моя спутница сиганула со второго уровня прямо в рекреацию, и я бросился за ней.

Казалось, что такое долгое падение обязательно закончится травмами, но удар получился довольно мягким, потому что свое дело сделала измененная гравитация. Кувыркнувшись, мы вскочили на ноги и понеслись по финишной прямой к воротам. Теперь цель была близка. Наши болельщики, видя, как мы переломили ход забега, заорали, точно стадо приматов.

Еще секунда – и многотонные створки основного портала поползли в стороны, впуская волну прохладного влажного ветра, пахнущего лесом. Этот запах после долгих недель застоялого гостиничного воздуха настолько остро ударил в нос, что я сам чуть не заорал. Мы рванули изо всех сил, еще не понимая, что выйти через эти ворота нам не удастся.

– Что это? – замерла на месте Марина.

– Это? – остановился я рядом с ней, тяжело дыша. – Не знаю, что это за хрень, но она закрывает выход.

Осторожными шагами моя напарница направилась к открытому порталу, чтобы рассмотреть препятствие поближе. Повисла тишина, которую нарушал только свист воздуха, проникающего через узкие щели в завале. Мне совершенно не хотелось следовать за ней, но оставаться на месте, когда на нас все смотрят, я не мог.

– Это деревья, – облегченно выдохнула Марина, пытаясь выровнять дыхание. – Поваленные стволы.

– Супер! Здесь такие деревья... Будем знать.

Это был клубок толстых корявых стволов темно-коричневого цвета, напоминавших застывшие струи строительной пены. На видневшихся местами разломах из-под коры торчали щепки, похожие на отварную говядину, только светлее.

Тут в открытый портал, робко приюхиваясь и прижимая на каждом шагу мохнатые уши, вошло существо размером с кролика на шести ногах. Тельце и лапки его были покрыты пушистым мехом цвета капучино. Толпа ахнула. Послышались реплики и смешки. Оглядев собравшихся большими черными глазками, зверек юркнул в двери первого же кафе, чем вызвал немалый ажиотаж.

– Черт! – воскликнула Марина, пнув бревно, которое в диаметре было чуть меньше ее роста. – Вот попали!

– Эй! – окликнул нас чей-то голос. – Есть другой путь.

Это был тот самый одинокий джентльмен с верхних уровней, который как-то подсказал нам, как попасть на служебную лестницу. Опять вырос как из-под земли. После нескольких встреч с ним я от нечего делать спрашивал о нем людей. Одни говорили, что кажется, его зовут Браун. Другие – что Уилсон. И решительно никому не было до него дела. Как впрочем и мне. Скорее всего, в момент нашего побега он, как всегда, торчал в бильярдном клубе и вышел на шум. Когда мы встретились с ним взглядами, он молча указал вверх.

– Кенникот!!! – что было мочи заорал я в надежде, что толстяк в служебном секторе меня услышит, хотя бы через систему слежения. – Мы идем наверх!

Вместо ответа где-то вдалеке раздался противный сигнал клаксона полотерной машины, на которой Моран ездил по длинным галереям. Старик кричал что-то неразборчивое и постоянно сигналил. Толпа на парадной лестнице загалдела и засуетилась.

– Опа! – завизжал нам Лоренцо, вскочив на перила. – Вперед, Россия! Давай-давай-давай!

Кучка отъявленных бездельников, не слишком желавших нам успеха, подхватила его злорадное улюлюканье.

– Вот и сбежали по-тихому! – зло зашипела Марина и бросилась к эскалатору.

Издав низкий скрежет, створки портала начали смыкаться. Это означало, что Дэн понял, чего мы хотим. Или, по крайней мере, чего мы точно делать не собираемся.

Я побежал за Мариной. Со второго уровня было видно, как Моран на своем полотере на всех оборотах подползает к лифту для спецтехники. Теперь перед нами стояла предельно ясная задача: добраться до люка в крыше над кормовым сектором, пока Моран не добрался до Кенникота.

– В чем дело?! – окликнул нас профессор Никсон.

За всем происходящим он наблюдал с площадки боковой лестницы на шестом уровне. Отсюда и обзор открывался хороший, и на центральный пульт можно было быстро попасть. Рядом с ним, как всегда, находился наш ненаглядный Мартин, затаивший на нас с Мариной смертельную обиду.

– Портал заблокирован! – задыхаясь, ответил я. – Мы идем через верх!

– Что?! – удивился Никсон.

– Атас! – указал я на противоположный сектор, куда из лифта только что вырулил беспрестанно сигналящий полотер. – Держите его!

Громила метнул на меня исподлобья злобный взгляд.

– Только ради вас, профессор! – буркнул он и побежал прикрывать Кенникота.

Возиться с перекидными мостками времени не было. На козырек кормового сектора, над которым находился выход на крышу, можно было попасть и так. Мы подпрыгнули, подтянулись, и теперь оставался последний подъем по отвесной опоре, из которой торчали скобы. Уцепившись за нижние ступени, я обернулся.

Отсюда хорошо был виден весь отель, в том числе и дверь на шестом уровне, возле которой стояла брошенная машина для натирания полов. Что происходило в помещении с центральным пультом, оставалось только гадать. Ясно было одно: Моран уже добрался до цели и теперь либо остановит нас, либо нет.

– Давай, вперед! – толкнула меня Марина.

– Щас! – собрав остатки сил, ответил я и полез по скобам.

Еще снизу было видно, что индикатор на запорном механизме люка светится зеленым. Из рубки нас видели. Возможно, там шла борьба Мартина с Мораном. Каким бы абсурдом это ни казалось, старый пилот вполне мог одержать над бывшим супертяжем верх. А еще у деда могло быть оружие или какие-то спецсредства, способные решить исход дела не в нашу пользу.

Я поспешил вскарабкаться по скобам, пока зеленый огонек перед самым нашим носом не стал красным. Три скобы, две, одна... Чуть только мои пальцы коснулись ручки, я с силой рванул ее в сторону. Толстая крышка люка зашипела и поддалась.

Первым, что я увидел, было огромное яркое пятно, источавшее оранжевый свет. Оно то ли имело очень большие размеры, то ли висело слишком низко. Сначала мне даже показалось, что я могу удариться об него макушкой.

Высочив из люка, я подал Марине руку и быстро вытянул ее вслед за собой, после чего мы в полном изнеможении повалились с ног.

– О-о-о-о! – взвыла она, глядя в темное звездное небо прямо перед собой.

– Ни хрена себе!

– Здесь такая луна?

– Это луна?!

– А на что это еще похоже?

Вообще-то, походило это больше на висевший в небе светящийся апельсин размером с Юпитер. Небесное тело таких жутких размеров, что мне пришлось расставить поднятые вверх руки значительно шире плеч, чтобы оно поместилось между моими ладонями. Поверхность его, испещренная мелкими кратерами, смахивала на пробку и местами была подернута тонкими нитями газовых облаков.

– Что это за темное пятно в центре? – медленно ворочая ртом, спросил я.

– Кажется, это тень.

– От чего?

– От нас.

– Как от нас?

– Прекрати меня все время переспрашивать. По-моему, это тень от того мелкого шарика, на котором мы находимся. Эта планета с тенью похожа на старую пластинку. Когда я была маленькая, мы с моим дедом видели такие в музее.

– Блестящие, с дыркой? Помню.

Прохладный ароматный ветер пытался сорвать наши куртки и громко трещал незакрепленными ремешками, но мы забыли о его существовании, пока разглядывали повисшую над

нами громадину. Тут у нас в ногах послышался свист пневматики. Это закрылся люк. Путь назад был отрезан.

– Теперь только вниз, – отдышавшись, произнес я. – Если, конечно, ты не передумала. Может, если постучимся, они откроют?

– Пойдем искать носовой сектор, – ухмыльнулась Марина и стала подниматься на ноги.

3. Есть контакт!

– Аксель, нет! – Инструктор подбежал к воспитаннику через всю студию, схватил за плечо и оттеснил от остальной группы.

Из-за чего началась потасовка, Эму не разглядел, но зачинщика определил сразу.

– Так нельзя! Это плохо! – Он отвел парня в дальний угол. – Стой здесь! Ты наказан!

Вернувшись к остальным, Эму осмотрел подопечных. На бедре Анхел красовался свежий след от удара. Взяв руку ученицы своей рукой, он приложил ее ладонь к набухающему кровоподтеку и прижал.

– Это синяк. Разотри!

Девушка всхлипнула и поморщилась.

– Больно?

– Да, – призналась она.

– Это хорошо! – улыбнулся тренер. – Ты чувствуешь и терпишь боль. Молодчина!

Убедившись, что девушка восприняла сигнал похвалы, Эму переключился на Арго, у которого из носа текла кровь. Он усадил ученика на пол и наклонил ему голову лицом вниз. Все сгрудились вокруг, чтобы посмотреть.

– Сейчас все пройдет, – пообещал инструктор. – Терпи! Отлично!

– Что это? – подобрав каплю крови с пола и показывая испачканный палец, поинтересовалась Афина.

– Это кровь. Она есть внутри у всех нас, – ответил Эму. – Если повредишь тело, будет кровь.

В ответ на это девушка с любопытством посмотрела на Авеля и, прежде чем инструктор успел среагировать, наотмашь ударила его открытой ладонью по лицу. Парень неуклюже попятился и сел на пол.

– Рад знакомству, – произнес он, тряхнув головой.

– Если не получается, надо попробовать снова, – объявила Афина, готовясь нанести несчастному еще один удар.

– Позвольте вам помочь! – услужливо предложил ей русоволосый паренек по имени Амон.

– Стоять! – громко крикнул Эму, и все замерли. – Никому не двигаться! Всем внимание!

Инструктор зафиксировал у себя на колене голову парня с разбитым носом и дождался, пока все посмотрят на него.

– Группа «Аргентум»! Никто никого не бьет, – громко и четко приказал Эму, а потом счел нужным добавить: – Пока я не скажу. Это понятно?

– Да, – произнесли люди.

– Аксель! Тебе понятно?

– Да, – отозвался из своего угла зачинщик первой в истории драки.

– Можешь подойти, – разрешил инструктор.

Щуплая фигура на тонких ногах понуро поплелась через всю студию к остальным. Показав испачканный палец товарищу, Афина шепотом сообщила:

– Это кровь. Она есть у всех. Смотри, какая красивая.

Каська ликовала. Пока Эму расставлял на длинном столе миски с едой, она снова и снова напоминала ему о своем предвидении этой проблемы. Вселяющих уверенность вариантов, как прекратить членовредительство в группе, у инструктора не имелось, но вслух признавать ее правоту он отказывался.

– Не переживайте, – возражал Эму. – Я уже поставил перед людьми необходимые запреты.

– Да, – усмехалась бабка. – Ты запретил им драться из-за игрушек, запретил бить друг дружку из любопытства. А из-за чего еще они могут ударить? Ты знаешь?

– Знаю, что они не сделают этого.

– А если одному покажется, будто другой сам хочет, чтобы ему врезали? Или он насекомое какое у товарища на носу кирпичом убить нацелится?

– Что ж, все возможные мотивы, принципиально меняющие ситуацию, я, конечно, предугадать не могу. Но я могу запретить отдельные действия.

– Ха! Отдельные действия! Вода, как говорится, всегда дырочку найдет. Или уж теперь вообще запрещай все действия, которыми можно причинить боль.

– Поговорок начитались? Тогда их всех убьет первый же хищный зверь, которого они встретят.

– Ой, говорила ж я тебе!..

– Не начинайте снова, – вздохнул Эму. – Я научу их дружить, любить, уважать друг друга, и запрет на причинение боли перенесу в эти категории отношений.

– Как это?

– Вот так. Друзей, родных, близких калечить и убивать нельзя.

– Это понятно. Спрашиваю, как научишь?

– Не знаю, – буркнул инструктор. – Пора вести их на кормежку. Прячьтесь.

– Исчезаю, исчезаю.

Быстрыми шагами Эму направился в каюту «Аргентума». Настроение у него было вконец испорчено. Прошло уже шесть недель с окончания активации, а прогресс в развитии его подопечных наблюдался какой-то однобокий. Они росли, крепили, лучше запоминали, лучше говорили, но все еще походили не то на машины, не то на хорошо выдрессированных зверей.

– «Аргентум», встать! – открыв дверь, скомандовал он.

Точно как репетировали в первые дни, вся десятка выстроилась перед ним двумя шеренгами. На это ушли считанные секунды. Люди, не моргая, смотрели на своего инструктора, ожидая приказов. С одной стороны, такое поведение делало работу с ними более комфортной. Но если так будет продолжаться, то мыслящих и чувствующих людей из них не выйдет.

– Ну, как настроение? – спросил Эму весьма дружелюбным тоном.

Необычный вопрос остался без ответа. Он изобразил на лице улыбку и попробовал спросить снова:

– Эй! Вы что, оглохли? Я спрашиваю, как настроение?

Над группой поднялась рука Афины.

– Разве это имеет значение? – поинтересовалась она.

– Если я спрашиваю, значит, имеет.

– Но у каждого разное настроение, а вопрос адресован всей группе. Как отвечать?

– Как хотите. Ну же. Отвечайте.

Вся десятка одновременно выпалила все, что каждый думал о своем настроении, а Авель добавил:

– ...Только есть хочется.

– Ага! – усмехнулся Эму. – Тогда все, кто голоден, за мной!

– А кто не голоден? – удивилась Астра.

– Тот останется один и не получит горячего шоколада!

Первый шаг на пути к истинно человеческим взаимоотношениям был сделан. Радовало, что каждой особи в группе было что сказать о своем настроении. Это натолкнуло Эму на ряд свежих идей, которые он обдумывал по пути в столовую. На такой основе можно было распланировать тренинги на месяц вперед, но когда открылась дверь столовой, все его планы рухнули. Там сидела старуха.

* * *

Мы покрутились на месте, вспоминая, как вылезали из люка и, соответственно, где теперь нос, а где корма. Нас интересовала покатая носовая часть галеона, по которой мы рассчитывали спуститься вниз.

Крыша отеля представляла собой ровное поле, края которого терялись в темноте. Под ногами поблескивал металл, исчерченный техническими пазами. Идти пришлось недолго, и морально подготовиться к новому испытанию я не успел... А следовало бы.

Как только мы выбрались на обшивку носовой части корабля и я посмотрел вниз, мне тут же очень захотелось обратно в свой номер. Покатая фронтальная плоскость представляла собой узкую зеркально-гладкую металлическую полосу, круто вонзавшуюся где-то далеко внизу в буйный дикий лес, блестящий в сумраке влажными листьями.

– По крайней мере, здесь есть растительность, – озадаченно окинул я взглядом гектары инопланетных джунглей.

– Значит, жить можно, – сделала вывод Марина.

– Не напомнишь, кому из нас пришла идея спускаться здесь?

– Боишься? Хочешь, я пойду первой?

Я отгеснил ее подальше от края палубы.

– Ты убьешься, а мне потом с этим жить? Ну уж дудки!..

Ветер почти утих, но все равно немного мешал. Я сел на край носовой плоскости и проверил ее надежность подошвами ботинок. Они сильно скользили по металлу, и тормозить ими при спуске было нельзя.

– Не надо меня держать! – нервно рявкнул я на Марину. – Тем более за воротник. Отойди лучше.

– А вдруг ты упадешь? – взволнованно спросила она.

– Не говори под руку.

– Слушай, давай я тебя подержу, а ты попробуешь поставить туда ладонь!

– Отойди, пожалуйста!

– Не ори на меня!

– А ты не нервируй...

И тут я сорвался. Моя напарница успела только ахнуть. Соскользнув ровно на метр, я распластался всем телом и уперся ладонями в полированную поверхность. Кожа моих рук закрипела по железу и нагрелась, но движение остановить удалось.

– Ты в порядке? – спросила сверху Марина.

– Я тебя ненавижу! – облегченно засмеялся я, пытаюсь выровнять дыхание.

– Обратно сам поднимешься или тебе помочь?

– Не надо мне помогать! – Пришлось повысить голос, чтобы напарница услышала меня сквозь свист ветра. – Обратно уже никак! Только вниз!

– Хорошо! Давай спускаться!

– Тогда поехали!

– Трави помалу! Я за тобой!

– Только осторожно! Держи дистанцию!

Понемногу убирая вес с ладоней, я снова начал скользить. Хотелось посмотреть наверх, чтобы проверить, как продвигаются дела у Марины, но задирать голову я побоялся. Любое неосторожное движение могло закончиться падением. Когда мы преодолели уже половину пути, я заметил, что полоса, по которой мы сползаем, стала сужаться. И угол ее наклона постепенно увеличивался. В конце концов она сделалась настолько узкой, что на ней едва можно было удержаться. Теперь стало видно, как эта плоскость далеко под нами сходится в острую грань между бортами.

– Что там? – крикнула мне сверху моя партнерша по неприятностям.

- Плохо дело! – ответил я. – Сейчас будет быстро и больно.
 - А это обязательно?
 - Выхода нет! Тормози сколько сможешь! Дальше как получится!..
- Сказав это, я оторвал ладони от металла и поехал вниз.

* * *

Увидев старушку, которая до этого ни разу не попадалась группе «Аргентум» на глаза, Эму замер. Люди, шедшие за ним, тоже остановились у входа в столовую, не зная, что делать.

– Батюшки! Кто это?! – попытавшись изобразить радость, картинно воскликнул инструктор. – Какой приятный сюрприз!

На самом деле за такой сюрприз он был готов прибить ее на месте. Устраивать их с бабкой встречу он не собирался еще очень долго, зная, что такое важное событие должно быть досконально спланировано и просчитано. Первый контакт с посторонним определял взаимодействие со всеми незнакомыми людьми, которых эти люди когда-либо встретят в своей жизни. Приятным в общении человеком Каська не была, а если учесть ее внешность, то реакция группы могла быть любой – от веселья до страха. В худшем случае они могли увидеть в ней источник опасности и попытаться атаковать.

Ученики поспешно сбились в кучку так, чтобы длинный обеденный стол отделил их от незнакомого существа, сидевшего на стуле. Стремясь упредить нежелательную реакцию, Эму быстро обошел старуху сзади и приобнял ее за плечи.

– Ребята! Это бабушка Кассия! – объявил он, а потом наклонился и шепнул ей на ухо: – Улыбайтесь!

В их глазах читалась тяжелая умственная работа. От широкой натянутой улыбки его лицо угрожало вот-вот свести судорогой.

- Скажите: «Бабушка Кассия».
- Бабушка Кассия, – повторили они.
- Молодцы! Она добрая и хорошая. Повторите!

Они повторили.

– Как с дебилами, честное слово, – еле слышно процедила старуха сквозь зубы.

Приказав всем по очереди подойти к ней и представиться, Эму встал рядом.

– Я Адон. Рад знакомству, – звучным баритоном произнес первый, глядя на Каську сверху вниз.

– Здравствуй, Адон! – восторженно пропела старуха.

Она дотронулась до его руки, и парень вернулся на исходную позицию. У инструктора отлегло от сердца. Теперь ситуация была под контролем и все шло гладко, пока очередь не дошла до Арго.

– Здравствуй, Арго! – улыбнулась ему Кассия и, увидев распухший нос парня, протянула руку к его лицу.

Тот вздрогнул и отскочил, ударившись ногой о край стола. Посуда, расставленная на нем, нервно звякнула.

– Стоять! – крикнул Эму. – Все хорошо, Арго, спокойно. Подойди к бабушке. Выполнять! Тот шумно засопел, но подошел. Медленнее, чем раньше и с большей опаской.

– Спокойно. Пусть она дотронется, – тихо произнес Эму, застыв, как скрученная пружина.

Каська взяла парня за подбородок и плавно повернула его лицо, осматривая расквашенный нос.

– Надо было приложить ему что-нибудь холодное, – буркнула бабка.

– В другой раз... – не шевеля губами, пообещал Эму.

– Угрюбишь их со своими играшками. – Она погладила Арго по щеке и улыбнулась.

Тот скривил лицо, стараясь показать ответную реакцию, и, дождавшись разрешения инструктора, вернулся на место.

– Очень милые ребятки! – громко сообщила старушка. – Я тоже очень рада знакомству с вами!

Эму кивнул ей и спросил у своих подопечных:

– А вам понравилась бабушка Кассия?

– Не-е-е-ет! – дружно ответили те.

– Прелесть какая! – закатилась бабка свистящим старческим смехом.

Возможно, здесь инструктору следовало показательно рассердиться или отозвать Каську в сторонку и высказать ей все, что он думает о ее выходке. Но старушка хихикала так заразительно, что Эму не выдержал и тоже расхохотался. Ничего не понимающие ребята следили за ними, глупо хлопая глазами.

Прошло много дней, прежде чем приемы пищи приняли цивилизованный вид и стали обходиться без разрушений. Со временем после трапезы ученики начали уносить подносы с грязной посудой в специальное место и произносить слова благодарности.

Несмотря на то что Каська часто присутствовала на тренингах и кормежке, их отношения с группой никак не могли наладиться. Искусственно выращенные люди от нее шарахались и старались по возможности избегать.

После того как была закончена очередная эпопея с обедом, Эму доставил измученных, но сытых воспитанников обратно в каюту и приказал всем сесть на оранжевый диван.

– Теперь я хочу, чтобы вы запомнили одну вещь: госпожа Кассия хорошая. Если я говорю, что она хорошая, значит, она должна вам нравиться и вы должны ее уважать. Бабушка живет с нами, и у нас нет другого выхода, кроме как относиться к ней как к одной из нас. Надо вежливо с ней здороваться, интересоваться ее самочувствием, предлагать свою помощь, отвечать на ее вопросы и не уходить, когда она к вам приходит. Понятно?

Ребята закивали, соглашаясь с учителем, после чего вверх поднялись сразу три руки.

– Да, Агнесс! – позволил задать вопрос Эму.

– А мы будем смотреть туда? – она показала на монитор.

– Будем. Чуть позже, – пообещал инструктор.

– Ну почему ты всегда говоришь мне «позже»?

– Потому что ты всегда болтаешь о вещах, не относящихся к теме разговора. Да, Арго!

– Почему старуха трогает мое лицо? – спросил парень, которому в день знакомства с Каськой разбили нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.